

КАРИН

СЛОТЕР

KS

**KARIN
SLAUGHTER**

**КРОВЬ
ОТВЕРЖЕННЫХ**

*Невинные гибнут.
Но кто воздест палачам?*

Сара Липтон

Карин Слотер

Кровь отверженных

2002

Слотер К.

Кровь отверженных / К. Слотер — 2002 — (Сара Липтон)

Провинциальный городок потрясен. Ссора между подростками внезапно завершилась трагической гибелью тринадцатилетней Дженни. Нелепая случайность? Возможно. Однако, осматривая тело жертвы, коронер Сара Липтон, шеф полиции Джеффри Толливер и детектив Лена Адамс понимают: незадолго до смерти девочка стала жертвой чудовищного ритуала. Но кто проводил этот ритуал? И почему подростки, хорошо знавшие Дженни, так упорно отказываются отвечать на вопросы полиции? Шаг за шагом Сара, Джеффри и Лена приближаются к разгадке тайны секты, губящей всё новые невинные жизни...

Содержание

Суббота	6
1	6
2	11
3	17
Воскресенье	25
4	25
5	32
6	38
7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Карин Слотер

Кровь отверженных

*Посвящается Дорис Смарт.
Она любила футбол в Оберне и чтение
(именно в таком порядке)*

Суббота

1

Сара Линтон, совершая очередной круг по катку, напевала себе под нос припев «Танцующей королевы».

Она услышала слева от себя яростное скрежетание колесиков и вовремя повернулась – подхватила ребенка, который едва на нее не налетел.

– Джастин? – спросила она, узнав семилетнего мальчугана, и схватила его сзади за рубашку.

Ребенок, вихляя ногами, с трудом сохранял равновесие на однорядных роликах.

– Привет, доктор Линтон, – запыхавшись, вымолвил Джастин.

Шлем был ему велик, и мальчик, пытаясь взглянуть на Сару, несколько раз сдвинул его назад.

Сара улыбнулась ему в ответ, удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Привет, Джастин.

– Похоже, вам нравится эта музыка? Моя мама тоже ее любит.

Мальчик уставился на нее, слегка приоткрыв рот. Как и большинство пациентов Сары, Джастин, казалось, удивлялся тому, что видит ее вне стен клиники. Уж не воображают ли они, что она и живет там, в подвале, поджидая, когда они простудятся и заболеют?

Джастин снова откинул шлем, стукнув себя по носу налокотником.

– Я видел, что вы подпеваετε.

– Давай сюда, – сказала Сара и присела.

Музыка гремела, и басовые ноты, вибрируя, отдавались в пластиковом ремешке, который Сара затягивала ребенку под подбородком.

– Спасибо, – закричал Джастин и зачем-то взялся за шлем обеими руками. При этом движении он потерял равновесие, споткнулся и вцепился Саре в ногу.

Она снова ухватила его за рубашку и отвела к спасительному ограждению. От однорядных роликовых коньков Сара отказалась, попросила выдать ей четырехколесные: не хотелось падать на виду у всего города.

– Ого!

Джастин, захихикав, взялся руками за ограждение. Он смотрел на ее коньки.

– Какие у вас огромные ноги!

Сара смущенно глянула вниз. Ноги и в самом деле были большими. Ее дразнили этим с семи лет. Несмотря на то что Сара слышала это почти тридцать лет, ей по-прежнему хотелось забиться под кровать и утешиться шоколадным мороженым.

– На вас мужские коньки! – завизжал Джастин и отпустил ограждение, чтобы указать на ее черные ролики.

Сара подхватила его, прежде чем он свалился на пол.

– Зайчик, – прошептала Сара ему на ухо. – Вспомни об этом, когда придешь ко мне делать прививку.

Джастин выдавил улыбку.

– Кажется, меня мама зовет, – пробормотал он и, хватаясь за ограждение, пошел от нее, опасно поглядывая через плечо.

Должно быть, боялся, что Сара его догонит.

Сара скрестила на груди руки и, привалившись к ограждению, смотрела вслед Джастину. Она любила детей, и это роднило ее с большинством педиатров. Однако следует пояснить, почему этот субботний вечер она проводила не в ребячьей компании.

– Пришла на свидание? – спросила Тесс, остановившись рядом.

Сара сурово посмотрела на сестру.

– Напомни мне, как я в это ввязалась.

Тесс попыталась улыбнуться.

– Потому что ты меня любишь?

– Верно, – уклончиво ответила Сара.

На противоположной стороне катка Сара заметила Девона Локвуда, последнего бойфренда Тесс. Девон вел своего племянника к детской площадке, а его брат смотрел на них.

– Его мать меня ненавидит, – пробормотала Тесс. – Такие взгляды на меня бросает, когда видит нас рядом.

– Отец относится к нам не лучше, – напомнила ей Сара. Девон почувствовал, что на него смотрят, и помахал им.

– С детьми у Девона все хорошо, – заметила Сара и тоже помахала.

– У него и с руками хорошо, – Тесс сказала это тихо, словно самой себе, и повернулась к Саре. – Кстати, где Джеффри?

Сара посмотрела на входную дверь. Ее это тоже интересовало. Удивлялась и тому, что ей не безразлично – появится бывший муж или нет.

– Не знаю, – ответила она. – И почему здесь так много народу?

– Сегодня вечер, суббота, и футбольный сезон еще не начался. Чем еще людям заняться? – сказала Тесс, но не позволила Саре переменить тему. – Где Джеффри?

– Может, он и не придет.

Тесс улыбнулась, и Сара поняла, что сестра еле удерживается от ехидного комментария.

– Выкладывай.

– Нечего выкладывать, – сказала Тесс, и Сара не поняла, лжет она или нет.

– Мы просто встречаемся. – сообщила Сара и замолчала.

Интересно, кого она старалась убедить – Тесс или себя. И добавила:

– Ничего серьезного.

– Знаю.

– Мы даже не целовались.

Тесс покорно подняла ладони.

– Знаю, – усмехнулась она.

– У нас было несколько свиданий. Вот и все.

– Да что ты меня уговариваешь?

Сара тоскливо охнула и откинулась на ограждение. Она чувствовала себя глупо, словно тинэйджер, а не взрослая женщина. С Джеффри она развелась два года назад, после того как застала его с владелицей магазина вывесок. Зачем Сара снова стала встречаться с ним, было непонятно ни ей самой, ни ее родственникам.

Зазвучала баллада, и освещение померкло. Сара смотрела, как зеркальный шар, свисавший с потолка, разбрасывает по катку маленькие светлые квадраты.

– Мне нужно в туалет, – сказала Сара сестре. – Постарайся увидеть Джеффа, хорошо?

Тесс глянула поверх плеча Сары.

– Туда кто-то входит.

– Там две кабины.

Сара повернулась к женскому туалету и увидела, что туда вошла высокая девушка-подросток.

Сара ее узнала: это была Дженни Уивер, одна из ее пациенток. Сара помахала рукой, но девушка ее не заметила.

– Надеюсь, ты дотерпишь, – пробормотала Тесс.

Сара нахмурилась, увидев, что в туалет проследовала еще одна, но незнакомая ей девушка-тинэйджер. Как бы не осрамиться перед приходом Джеффри!

Тесс мотнула головой в сторону входной двери.

– А кто это там такой? Высокий, красивый, темноволосый...

Сара не удержалась от глупой улыбки: она увидела Джеффри. Тот еще не переоделся – не успел снять темно-серый костюм и галстук цвета бордо. В этом зале почти все его знали: ведь он был начальником полиции в округа Грант. Джеффри обменивался рукопожатиями и оглядывался по сторонам. «Должно быть, меня ищет», – подумала Сара, глядя, как он протискивался через толпу, она решила не привлекать к себе внимания. Пусть на этой стадии взаимоотношений Джеффри возьмет инициативу на себя.

Сара познакомилась с Джеффри в начале своей карьеры. Она работала тогда судебным следователем. Взялась за эту работу, чтобы немного заработать. Хотелось помочь уходившему в отставку партнеру из детской клиники городка Хартсдейл доктору Барни. Несмотря на то что свое намерение она давно осуществила, Сара работу не бросила. Ей нравилось решать задачи, которые неизменно подбрасывала ей судебная медицина. Двенадцать лет назад Сара ушла из отделения интенсивной терапии госпиталя Грейди в Атланте. Переход от напряженной работы, где решались вопросы жизни и смерти, к небольшим инфекциям и вздутым животикам был для нее потрясением. Работу коронера она восприняла как вызов. Она оттачивала ум.

Джеффри наконец-то ее заметил. Он замер, обмениваясь на ходу рукопожатием с Бетти Рейнольдс, и уголки его рта медленно приподнялись, однако на лоб тут же набежала морщинка: владелица хозяйственной лавочки «файв-энд-дайм» втянула его в разговор.

Сара догадывалась, о чем вела речь Бетти. В последние три месяца магазин дважды ограбили. Бетти была настроена решительно, и, хотя Джеффри слушал ее невнимательно, она упорно продолжала говорить.

Наконец Джеффри кивнул, похлопал Бетти по спине, пожал руку. Скорее всего, договорился о встрече на следующий день. Высвободился из толпы и пошел к Саре, лукаво улыбаясь.

– Привет, – сказал он.

Сара – неожиданно для себя – пожала ему руку, как делали это все остальные.

– Привет, Джеффри, – вмешалась Тесс.

Голос сестры прозвучал с нехарактерной для нее резкостью. Обычно так грубо к Джеффри обращался их отец, Эдди. Джеффри растерянно улыбнулся.

– Привет, Тесси.

Тесс пробормотала в ответ что-то неразборчивое и укатила, бросив через плечо на Сару многозначительный взгляд.

– Что бы это значило? – спросил Джеффри.

Сара потянула руку, но Джеффри на несколько мгновений задержал ее пальцы, давая понять, что она в его власти. Он всегда был чертовски самоуверен, и подсознательно это привлекало Сару больше, чем что-либо другое в нем.

Она скрестила на груди руки и сказала:

– Ты опоздал.

– У меня в последний момент возникли проблемы.

– Узнал, что, ее муж уехал из города?

В ответ он лишь взглянул на нее с глубокой укоризной, как на лжесвидетеля.

– Я говорил с Фрэнком, – сказал он (это был старший следователь полицейского отделения округ Грант). – Передал ему полномочия на сегодняшний вечер. Не хочу, чтобы нам помешали.

– В чем помешали?

Уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Собираюсь сегодня тебя соблазнить.

Она рассмеялась и отстранилась от его поцелуя.

– Когда губы соединяются, поцелуй обычно выходит лучше, – заметил он.

– Но не на глазах же у половины моих пациентов, – парировала Сара.

– Тогда иди сюда.

Не задумываясь, Сара поднырнула под ограждение и взяла его за руку. Он укатил ее в укромный угол, неподалеку от туалета.

– Здесь лучше? – спросил он.

– Да, – ответила Сара, глядя на Джеффри сверху вниз, потому что на коньках она была выше его на два дюйма. – Гораздо лучше, тем более что мне очень нужно в туалет.

Она двинулась в ту сторону, но он остановил ее, схватив обеими руками за талию.

– Джефф, – сказала она, чувствуя, что не может придать голосу необходимой жесткости.

– Ты такая красивая, Сара.

Она закатила глаза, как подросток.

Он рассмеялся:

– Вчера я весь вечер мечтал тебя поцеловать.

– Да?

– Мне очень нравится этот вкус.

Она попыталась принять скучающий вид.

– Это же «колгейт»!

– Я говорю не об этом вкусе.

Она в удивлении раскрыла рот, и он улыбнулся, довольный ее реакцией. Сара почувствовала, как в груди у нее что-то шевельнулось – она и сама не знала что, – но в этот момент у него зазвонил пейджер.

Он продолжал смотреть на нее, словно не слышал звонка.

Сара откашлялась и сказала:

– Может, помотришь?

Он наконец взглянул на пейджер, пристегнутый к ремню, и пробормотал:

– Черт!

– Что?

– Взлом, – коротко ответил он.

– Ты вроде говорил, что оставил за себя Фрэнка.

– Он отвечает за мелкие вещи. Мне надо позвонить из автомата.

– Где твой мобильник?

– Аккумулятор разрядился.

Джеффри, кажется, удалось побороть раздражение. Он ей даже улыбнулся.

– Ничто не испортит нам сегодняшней вечер, Сара.

Он прикоснулся к ее щеке.

– Важнее этого для меня ничего нет.

– После нашего ужина тебе предстоит пылкое свидание? – поддразнила она. – Ужин можем и отменить, если хочешь.

Он, прищурившись, сокрушенно посмотрел на нее и пошел прочь.

Сара посмотрела ему вслед и, привалившись к стене, прошептала сквозь зубы «Господи, помилуй». Она не могла поверить, что менее чем за три минуты этот мужчина умудрился превратить ее в жалкую идиотку.

Сара вздрогнула, когда дверь туалета громко хлопнула. На пороге стояла Дженни Уивер. Она смотрела на каток, словно что-то обдумывала. Лицо ее на фоне черной футболки каза-

лось мертвенно-бледным. Когда Сара подкатила к ней, Дженни перекинула через плечо темно-красный ранец. При этом движении сумка ударила Сару по груди.

– Ох, – сказала Сара и попятилась.

Дженни заморгала, узнав врача.

– Простите, – тихо пробормотала она и отвела глаза.

– Ничего страшного, – ответила Сара, собираясь начать разговор.

Девочка казалась расстроенной.

– Как ты? – спросила Сара. – У тебя все в порядке?

– Да, мэм, – ответила Дженни, прижимая к груди ранец.

Дженни ушла, прежде чем Сара успела что-то сказать.

Она заметила, что Дженни направилась к своим приятелям. Подростки толпились возле салона видеоигр. Свет экранов окрасил фигуру Дженни в зеленый цвет. Девчонка исчезла в углу. Сара почуяла что-то неладное, но не стала преследовать Дженни и выспрашивать, в чем дело. В ее возрасте любой пустяк вырастал до уровня драмы. У девушек-тинейджеров, скорее всего, в чем-то виноват мальчик.

Лирическая мелодия закончилась, и огни снова вспыхнули. Из динамиков загремел рок, в груди Сары отдавались басы. Молодежь на катке сразу ожила, подхватив ритм. «Неужели, – подумала Сара, – и я когда-то была такой же неумной?» Каток несколько раз менял владельцев, но для подростков округа Грант остался таким же притягательным, как и в годы ее юности. В углу вон того здания Сара провела много вечеров, целуясь со Стивом Манном, своим первым бойфрендом. Особой страстностью их отношения не отличались, а объединяло их желание вырваться из Гранта. Но в выпускном классе отец Стива скончался от сердечного приступа, и тому пришлось взвалить на себя семейный бизнес – магазин скобяных товаров. Теперь он уже давно женат, обзавелся кучей детишек, а Сара сбежала в Атланту, но спустя несколько лет вернулась.

И вот она снова, на том же катке, целуется с Джефффри Толливером. Или, по крайней мере, пытается это делать.

Сара отмахнулась от воспоминаний и повернулась к двери туалета, взялась за ручку, но тут же отдернула пальцы, ощутившие что-то липкое. В этой части катка по-прежнему было темно, и Сара поднесла руку ближе к глазам, чтобы увидеть, что к ней пристало. Почувствовала знакомый запах, прежде чем разглядела, чем выпачкалась. Посмотрела на рубашку, в том месте, где ее задел ранец Дженни.

На груди выгнулась дугой узкая полоска крови.

2

Джефффри пытался взять себя в руки: он не хотел рвать со стены телефонную трубку, но делал именно это. Глубоко вздохнул, набрал номер офиса и стал терпеливо слушать звонки.

К телефону подошла Мария Симмс, его секретарь и диспетчер:

– Добрый вечер. Полицейское отделение округа Грант. Будьте добры, подождите немного.

Не дождавшись ответа, секретарь отложила трубку.

В попытке справиться с раздражением Джефффри еще раз набрал полную грудь воздуха. Он боялся, что Сара передумает и откажется от свидания. Каждый раз, когда он делал шаг ей навстречу, она отступала на два шага назад. Причины ее поведения были ему понятны, однако не казались разумными.

Джефффри прислонился к стене и почувствовал, как по спине побежала струйка пота. Август входил в полную силу. Он уже побил все температурные рекорды, июнь и июль по сравнению с ним казались зимними месяцами. Бывали дни, когда, выйдя на улицу, Джефффри чувствовал, что дышит сквозь мокрое полотенце. Он ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Из-за дома послышался взрыв хохота. Джефффри заглянул за угол: что там творится на парковке? Возле побитого старого «камаро» увидел небольшую группу тинейджеров. Подружки передавали друг другу сигарету. Телефонная будка стояла сбоку от здания, и под ярким тентом в зеленую и желтую полоску Джефффри не было видно. Может, марихуана? Впрочем, он не был уверен. На первый взгляд эти ребята были на все способны. Джефффри понимал это не потому, что был копом, а потому что в их возрасте и сам якшался с такой компанией.

Он колебался – подойти к ним или не стоит, но тут Мария взяла трубку.

– Добрый вечер. Полицейское отделение округа Грант благодарит вас за то, что дождались. Чем могу помочь?

– Мария, это Джефффри.

– О, шеф! – воскликнула она. – Извините, что задержала. В одном из магазинов была ложная тревога.

– В котором? – спросил он, вспомнив недавний разговор с Бетти Рейнольдс, владелицей магазина «файв-энд-дайм».

– Уборщики, – сказала она. – Старик Берджесс нечаянно включил сигнализацию.

Джефффри удивился, что давно разменявшая восьмой десяток Мария называет Билла Берджесса стариком, но оставил ее слова без комментария и спросил:

– Что-нибудь еще?

– Было что-то в столовой, в которую ходил Брэд, но там ничего не обнаружили.

– А в чем дело?

– Просто сказал, что кое-что заметил, вот и все. Вы же знаете Брэда – собственной тени боится.

Мария хихикнула.

В отделении Брэд был чем-то вроде талисмана: двадцать один год, круглое лицо, растрепанные светлые волосы... Он казался сущим мальчишкой. Старшие сотрудники любили над ним подшутить: крали фуражку Брэда и нахлобучивали ее на городские скульптуры. На прошлой неделе его фуражка украшала каменную голову генерала Ли.¹ Памятник стоял напротив школы.

---

¹ Роберт Эдуард Ли (1807–1870), главнокомандующий армией южан в Гражданской войне Североамериканских Соединенных Штатов. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Джеффри снова подумал о Саре.

– Сегодня я оставил за себя Фрэнка. Не посылайте мне сообщений. Если, конечно, никого не убьют.

– Двух птиц одним камнем, – снова захихикала Мария. – Коронера и шефа одним звонком.

Он пытался напомнить себе, что переехал из Бирмингема в Грант, потому что хотел жить в маленьком городе, где все знали друг друга. Джеффри собирался сказать Марии что-то безобидное, но остановился, услышав на парковке громкий вопль.

Высунулся из-за угла – узнать, в чем дело, – и снова услышал девичий крик:

– Черт тебя подери, грязный подонок!

В трубке раздался удивленный голос Марии:

– Шеф?

– Подождите, – прошептал он.

Внутри у него все сжалось: девичий голос был наполнен бешеной ненавистью. Он по опыту знал, что сорвавшаяся с катушек юная девица – самое ужасное, с чем можно иметь дело в субботний вечер на автомобильной стоянке. С мальчиками он мог сладить: почти любой парень и сам хотел, чтобы его остановили и не позволили устроить настоящую драку. Девушек разъярить было не так-то просто, а успокоить еще сложнее. Злобной девушки-подростка следовало опасаться, особенно если в руке у нее оружие.

– Я убью тебя, урод! – завопила она, обращаясь к одному из подростков.

Его друзья отскочили от греха подальше и встали в сторонке. Подросток остался один, под нацеленным на него дулом пистолета. Девушка стояла в четырех шагах от своей цели. На глазах Джеффри она сделала еще шаг, сократив расстояние.

– Черт! – сквозь зубы произнес Джеффри и, вспомнив, что в руке у него трубка, приказал: – Немедленно пришлите к катку Фрэнка и Мэтта.

– Они в Мэдисоне.

– Тогда Лену и Брэда, – сказал он. – Скажите, чтобы подошли без шума. На стоянке девица с пистолетом.

Джеффри повесил трубку и почувствовал, как напряглось тело. Горло сжалось, сонная артерия превратилась в пульсирующую змею. За несколько секунд в голове пронеслась тысяча мыслей, но он отмахнулся от них, сбросил пиджак и перекинул за спину кобуру. Девушка боковым зрением заметила его приближение, но продолжала держать парня под прицелом. Дуло смотрело ему в живот. Джеффри подошел поближе и заметил, что рука девушки трясется. К счастью, ее палец еще не опустился на спусковой крючок.

Джеффри двигался вдоль стены здания. Девушка стояла спиной к катку, лицом – к стоянке и шоссе. Джеффри надеялся, что Лена приведет Брэда со стороны здания. Невозможно предугадать, что сделает девушка, если почувствует, что ее окружили. Из-за одной глупой ошибки могут погибнуть много людей.

В двадцати футах от девушки Джеффри громко сказал:

– Эй!

Девушка вздрогнула, несмотря на то что заметила его приближение. Ее палец лег на курок. Пистолет был «беретта» калибра.32, так называемый карманный. Издали он не смог бы поразить человека, но вблизи был очень опасен. Она могла бы убить из этого оружия восьмерых, если хорошо стреляла. Впрочем, на таком близком расстоянии это сделала бы и обезьяна. Сейчас девушка держала на своей ладони восемь жизней.

– Всем покинуть парковку, – приказал Джеффри стоявшим неподалеку подросткам.

Они не сразу вникли в его слова, а поняв, потянулись к выходу. Запах марихуаны чувствовался издали, и, видя, как пошатывается намеченная жертва, Джеффри понимал, что парень здорово накурился, прежде чем девушка взяла его на мушку.

– Уйдите! – крикнула ему девушка.

На ней была черная футболка с длинными рукавами. Судя по всему, ей едва исполнилось тринадцать. Голос у нее был негромкий, но решительный.

Она повторила свой приказ:

– Я сказала: уйдите!

Джеффри не трогался. Снова обратив взгляд на подростка, она сказала:

– Я его убью.

Джеффри развел руками и спросил:

– Зачем?

Похоже, этот вопрос ее удивил. Впрочем, такой реакции он и хотел. Люди часто хватаются за оружие, не раздумывая. Дуло пистолета чуть опустилось, когда она обратилась к Джеффри.

– Чтобы помешать ему, – ответила девушка.

– Помешать в чем?

Она чуть призадумалась.

– Это никого не касается.

– Вот как? – сказал Джеффри и сделал шаг вперед, потом еще один.

Он встал примерно в пятнадцати футах от девушки. Можно было, не пугая ее, видеть, что происходит.

– Да, сэр, – ответила девушка, и ее вежливость слегка успокоила Джеффри.

Девушки, которые говорят «сэр», в людей не стреляют.

– Послушай, – начал Джеффри, думая, что бы ей сказать. – Ты знаешь, кто я такой?

– Да, сэр, – ответила она. – Вы – шеф полиции Толливер.

– Верно, – сказал он. – А тебя как зовут? Как твое имя?

Она проигнорировала вопрос, но мальчик зашевелился. Его затуманенный марихуаной мозг начал соображать, что происходит. Он сказал:

– Дженни. Ее зовут Дженни.

– Дженни? – переспросил Толливер. – Это красивое имя.

– Д-да, – растерянно произнесла Дженни, впрочем, она быстро собралась и сказала: – Пожалуйста, замолчите. Я не хочу с вами разговаривать.

– Думаю, это не так, – возразил Джеффри. – Тебе о многом хочется рассказать.

Казалось, Дженни хотела возразить... Нет, снова прицелилась в грудь подростку. Ее рука все еще дрожала.

– Уйдите, или я его убью.

– Из этой пушки? – спросил Джеффри. – А ты понимаешь, что это такое – застрелить человека? Знаешь, какие будут ощущения?

Он смотрел на ее реакцию и тут же понял, что она и понятия не имеет.

Дженни была крупной девочкой, фунтов пятьдесят лишнего веса. Одета во все черное. Должно быть, из разряда девушек, что стараются «слиться с пейзажем». Мальчик, которого она взяла на мушку, был хорош собой. Сразу видно – объект девчачьего обожания. В те годы, когда Джеффри был в его возрасте, такая вот Дженни, скорее всего, сунула бы ему в стол нехорошую записку. Теперь же она целилась из пистолета.

Джеффри сомневался в том, что пистолет заряжен.

– Дженни, давай мы с тобой все обсудим. По-моему, этот парень не стоит твоих переживаний.

– Уйдите, – повторила Дженни.

Ее голос звучал не так уверенно. Свободной рукой она утерла лицо. Джеффри сообразил, что она плачет.

– Дженни, я не думаю...

Он запнулся, увидев, что она сдернула предохранитель. Металлический лязг резанул по ушам. Он сунул руку за спину, в кобуру, но оружия не вытащил.

Джеффри старался говорить спокойно и разумно.

– Что происходит, Дженни? Почему бы нам все не обсудить? Не может быть, чтобы все было так плохо.

Она снова утерла лицо.

– Да, сэр, – сказала она. – Плохо.

Сейчас ее голос звучал так холодно, что по шее Джеффри поползли мурашки. Он подавил дрожь и вынул револьвер из кобуры. Джеффри ненавидел оружие, потому что, будучи копом, понимал всю его потенциальную опасность. Он носил при себе пистолет не потому что ему нравилось, а потому что был обязан это делать. За двадцать лет службы в полиции Джеффри вынимал оружие не более пяти раз, причем выстрелил дважды, но в человека до сих пор не целился.

– Дженни! – Он попытался придать своему голосу властность. – Посмотри на меня.

Она не спускала глаз с подростка. Казалось, прошла вечность. Джеффри молчал, давая ей возможность одуматься. Затем она медленно обратила взгляд на Джеффри, опустила глаза и заметила в его руке револьвер девятимиллиметрового калибра.

Она нервно облизнула губы. Видимо, оценила степень опасности. Ее слова отозвались в ушах Джеффри похоронным звоном:

– Убейте меня.

Он подумал, что ослышался. Такого ответа он явно не ожидал.

Она повторила:

– Убейте меня, или я застрелю его.

Дженни подняла «беретту» и прицелилась в голову подростку. Поставила ноги на ширину плеч и взялась свободной рукой за приклад. Было ясно: девочка знает, как надо держать оружие. Ее руки уже не дрожали, и она смотрела подростку в глаза.

Тот завопил «Черт!», и в асфальт ударила струя мочи.

Джеффри поднял пистолет, а она выстрелила вверх головы подростка. С пластмассовой вывески полетели куски.

– Что это было? – прошипел Джеффри, зная, что единственная причина, по которой Дженни до сих пор держалась на ногах, состояла в том, что он не смог заставить себя нажать на курок. Дженни сбила в вывеске точку над буквой «i». Джеффри сомневался в том, что его полицейские сумели бы повторить такой выстрел, да еще и в столь напряженной обстановке.

– Это было предупреждение, – сказала Дженни.

Он не думал, что она ему ответит.

– Застрелите меня, – повторила девушка. – Застрелите или, клянусь богом, я вышибу ему мозги.

Она снова облизнула губы.

– Я могу это сделать. Я умею пользоваться этим.

Она легонько подкинула пистолет, показывая, что она имеет в виду.

– Вы знаете, что я это смогу, – сказала она и снова расставила ноги.

Чуть повернула дуло и выбила из вывески апостроф. Люди на стоянке, вероятно, бросились в рассыпную или завопили, но Джеффри ничего не замечал. Все, что он видел, был дымок, поднимающийся над дулом ее пистолета.

Когда Джеффри снова смог дышать, он произнес:

– Между вывеской и человеком – большая разница.

Она заговорила очень тихо, и он напрягся, чтобы услышать:

– Он не человек.

Джефффри краем глаза уловил движение. Он увидел Сару. Она сняла ролики и стояла в белых носках на черном асфальте.

– Детка! – крикнула Сара, ее голос дрожал от испуга. – Дженни!

– Уйдите, – ответила Дженни, сейчас она была похожа на капризного ребенка, а не на монстра, каким была несколько секунд назад. – Пожалуйста.

– С ней все в порядке, – сказала Сара. – Я только что нашла ее там, и у нее все хорошо.

Пистолет дрогнул, но лишь на мгновение. Дженни прицелилась подростку между глаз. Прежним мертвым голосом сказала:

– Вы лжете.

Джефффри глянул на Сару и понял, что девочка права. Сара лгать не умела, и разоблачить ее ничего не стоило. Даже на расстоянии Джефффри видел кровь на рубашке и джинсах Сары. Кто-то на катке был ранен, а возможно, и мертв. Он снова перевел взгляд на Дженни и прочел на нежном лице девочки нешуточную угрозу.

Джефффри сообразил, что до сих пор не снял пистолет с предохранителя. Освободил его и взглядом дал понять Саре, чтобы она оставалась на месте.

– Дженни!

У Сары пересохло в горле. Джефффри не узнал ее голос: раньше она никогда не говорила с детьми, как с маленькими. Видимо, на Сару подействовало то, что сделала Дженни на катке. Что бы это могло быть? Выстрелов на катке он не слышал, и Боуэлл Паркер, дежурный полицейский, совсем недавно сказал ему, что все в порядке. «Где же Боуэлл? – забеспокоился Джефффри. – Может, он внутри, на месте происшествия, и никого оттуда не выпускает? Что сделала Дженни?» Джефффри отдал бы все за то, чтобы время остановилось – он бы выяснил, что произошло.

Джефффри зарядил барабан. Сара повернула голову на звук и протянула в его сторону руку, ладонью вниз, словно говоря: успокойся, не делай этого. Он посмотрел за ее плечо, на входную дверь. Думал увидеть там зрителей с прижатыми к стеклу носами. Но нет, там было пусто. Неужели то, что произошло внутри, намного интереснее сцены, что разыгрывается сейчас перед его глазами?

Сара сделала еще одну попытку.

– С ней все в порядке, Дженни. Иди и увидишь.

– Доктор Линтон, – сказала Дженни дрожащим голосом, – пожалуйста, не говорите со мной.

– Детка, – голос Сары дрожал не меньше, чем у Дженни. – Посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри на меня.

Когда девочка не ответила, Сара сказала:

– С ней все хорошо. Обещаю тебе, у нее все в порядке.

– Вы лжете, – ответила Дженни. – Вы все лгуны. Она снова уставилась на подростка.

– А ты – самый худший из всех лжецов, – сказала она. – Ты будешь гореть в аду за то, что ты сделал. Подонок!

Подросток зашелся от злости, из его рта вылетала слюна.

– Мы там с тобой увидимся, сука.

Голос Дженни уже не дрожал. Между ней и подростком, казалось, что-то произошло, и, когда она ответила, ее голос звучал по-детски.

– Я знаю, ты точно туда попадешь.

Краем глаза Джефффри заметил, как Сара шагнула вперед. Он видел, что Дженни нацелила короткое дуло пистолета в голову подростка. Девчонка стояла уверенно, ее руки не дрожали, губы не тряслись. В отличие от Джефффри, она решительно готовилась к выстрелу.

– Дженни... – Джефффри снова попытался ее отвлечь.

Он не хотел стрелять в девочку, совсем еще ребенка.

Дженни посмотрела через плечо, и Джеффри проследил за ее взглядом. Наконец-то подъехала полицейская машина. Из нее, с оружием наготове, вышли Лена Адамс и Брэд. По всем правилам полицейской науки они образовали треугольник, вершиной которого был Джеффри.

– Застрелите меня, – сказала Дженни, все так же уверенно удерживая на мушке подростка.

– Опустите оружие, – приказал Джеффри офицерам.

Брэд послушался, а Лена колебалась. Он сурово на нее посмотрел, готовясь повторить приказ. Наконец она опустила оружие.

– Я сделаю это, – пробормотала Дженни.

Она стояла неподвижно. Джеффри гадал, что чувствует сейчас девочка, почему она настроена так решительно. Дженни откашлялась и сказала:

– Я сделаю это. Мне не впервой.

Джеффри взглянул на Сару, ожидая подтверждения, но ее внимание было сосредоточено на Дженни.

– Мне не впервой, – повторила Дженни. – Застрелите меня, или я убью его, а потом убью себя.

Только сейчас Джеффри подумал о возможности выстрела. Он старался убедить себя в том, что девочка представляет прямую опасность для подростка, и не важно, сколько ей лет. Если он выстрелит ей в ногу или в плечо, у нее хватит времени нажать на курок. Даже если Джеффри угодит ей в туловище, у нее останется возможность нажать на курок, прежде чем она упадет на землю. При том, как наведен пистолет Дженни, подросток умрет мгновенно.

– Все мужчины слабаки, – прошипела Дженни. – Вы никогда не поступаете правильно. Говорите, что сделаете, а сами – в кусты.

– Дженни... – взмолилась Сара.

– Считаю до пяти, – сказала Дженни. – Один.

Джеффри с трудом проглотил комок в горле. Сердце колотилось так громко, что из-за этого стука он, скорее, видел, чем слышал, как Дженни ведет счет.

– Два.

– Дженни, пожалуйста.

Сара сложила руки, словно в молитве. Они были темными, почти черными от крови.

– Три.

Джеффри прицелился. Она не сделает этого. Не может быть, чтобы она это сделала. Ведь ей не больше тринадцати. Тринадцатилетние девочки не стреляют в людей. Это было самоубийство.

– Четыре.

Джеффри видел, как палец девочки лег на курок, видел, как медленно движутся мышцы ее предплечья... Она двинула пальцем.

– Пять! – закричала она, от напряжения у нее на шее выступили вены. – Стреляйте в меня, черт вас побери!

Он увидел, как напряглась ее рука. Время двигалось так медленно, что он мог видеть работу ее мышцы на предплечье и движения пальца на курке.

Она дала ему последний шанс и завопила:

– Стреляйте в меня!

И он выстрелил.

3

Ребенок Дженни Уивер, родившийся на двадцать восьмой неделе, мог бы остаться в живых, если бы мать не постаралась спустить его в унитаз. Зародыш был хорошо сформирован и упитан. Ствол мозга не поврежден, и легкие, с помощью медицины, могли бы достигнуть необходимой зрелости. Руки научились бы хватать, ноги – сгибаться, глаза – моргать. Рот стал бы говорить что-то другое, а не те ужасы, которые чудились сейчас Саре. Легкие уже успели набрать воздух, и рот раскрылся... а потом его убили.

Сара потратила три с половиной часа на то, чтобы собрать ребенка из частей, которые Дженни Уивер оставила в туалете в мусорном контейнере рядом с комнатой видеоигр. Крошечными стежками Сара сшила тонкую, словно бумага, кожу и создала подобие ребенка. Руки тряслись, и Саре пришлось переделывать некоторые узелки, потому что пальцы не слушались.

И все же этого было недостаточно. За каждым приведенным в порядок участком открывался другой, который никак было не скрыть. Невозможно было замаскировать травмы, нанесенные ребенку. Под конец Сара смирилась с тем, что работа была напрасной. Ребенок ляжет в могилу почти в том же виде, в каком последний раз видела свою дочку мать.

Сара глубоко вздохнула, перечитала отчет, прежде чем поставить под ним свою подпись. Она не стала дожидаться Джеффри или Фрэнка и начала вскрытие. Свидетелей ее работы не было. Сара сделала это специально, чувствуя, что не сможет проводить все манипуляции на глазах у посторонних.

Большое окно отделяло кабинет от других помещений морга. Сара уселась в кресло, глядя на стол с лежавшим на нем черным пакетом. Мысли блуждали: она видела альтернативу смерти ребенка – жизнь, полную смеха и слез, представляла любящее и любимое существо, но потом натолкнулась на правду: у ребенка ничего этого не будет. Впрочем, и у самой Дженни всего этого почти не было.

После случившейся несколько лет назад внематочной беременности Сара не способна была иметь детей. Тогда это известие чуть не убило ее. С годами боль притупилась, и Сара научилась не желать невозможного. Однако сейчас ребенок, убитый собственной матерью, всколыхнул в Саре прежние чувства.

Работа Сары была посвящена здоровью детей. Она брала их на руки, укачивала, умилялась им, как если бы это были ее собственные дети. Сидя в морге и глядя на черный мешок, она с новой силой захотела выносить и родить ребенка. На смену этому чувству пришло разочарование, и она ощутила внутри себя пустоту.

На лестнице прозвучали шаги. Сара выпрямилась, утерла глаза, попыталась взять себя в руки. Оперлась ладонями о столешницу и встала. В морг вошел Джеффри. В попытке успокоить себя Сара поискала очки и заметила, что Джеффри не пошел к ней в кабинет. Сквозь стекло она видела, что он остановился перед черным мешком. Если он и видел Сару, то никак этого не показал. Он наклонился над столом и заложил руки за спину. «Заглянуть бы в его мысли...» – подумала Сара. Может, Джеффри тоже представляет себе несостоявшуюся жизнь ребенка? А может вспомнил, что Сара никогда не сможет родить ему детей?

Сара кашлянула, выйдя из кабинета. Она прижимала к груди отчет о вскрытии. Положила бумаги на край стола и встала с другой стороны стола. Мешок был слишком велик для ребенка. Он лежал вокруг тельца, как одеяло. У Сары не хватило душевных сил застегнуть молнию, погрузить младенца в полную темноту и положить его на полку холодильника.

Она не знала, что сказать, а потому молчала. Сунула руку в карман лабораторного халата и с удивлением обнаружила там очки. Надела их, и Джеффри заговорил.

– Итак, – сказал он хрипло, словно долго не говорил, – вот что получается, когда пытаешься спустить ребенка в унитаз.

У нее замерло сердце от такого цинизма, и она не знала, как на это ответить. Сняла очки и протерла линзы подолом рубашки – просто чтобы чем-то себя занять.

Джеффри сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Сара слегка подалась вперед: ей показалось, что она учуяла запах алкоголя. Но этого не может быть, ведь Джеффри не пил, разве что кружку пива на субботнем футболе.

– Крошечные ножки, – пробормотал он, не спуская глаз с ребенка. – Они всегда такие маленькие?

И снова Сара ничего не ответила. Она смотрела на ножки, десять пальчиков, сморщенную кожу на ступнях. Эти ножки могла бы целовать мать. Эти пальчики мать пересчитывала бы каждый день, как садовник считает соцветия на кусте роз.

Сара закусила губу, стараясь не дать себе воли. Пустота внутри нее была чудовищной, и она машинально положила руку на грудь.

Когда Сара смогла наконец-то поднять глаза, то увидела, что Джеффри смотрит на нее. Его глаза были налиты кровью. Похоже, ему трудно было удерживать себя в вертикальном положении. И неясно было, то ли Джеффри сильно перебрал, то ли убит произошедшим.

– Я думала, что ты не пьешь, – сказала она и заметила в собственном голосе осуждение.

– Я думал, что я не расстреливаю детей, – ответил он, глядя поверх ее плеча.

Саре хотелось помочь ему, но не было сил.

– Фрэнк, – сказал Джеффри, – он дал мне немного виски.

– Помогло?

Глаза Джеффри увлажнились. Он поборол слезы и невесело улыбнулся.

– Джеффри...

– Ты что-нибудь нашла? – спросил он, отмахнувшись от ее участия.

– Нет.

– Я не...

Он запнулся, посмотрел вниз, но не на ребенка. Его глаза были устремлены на кафельный пол.

– Не знаю, как себя вести, – сказал он. – Не знаю, что я должен делать.

Слова и голос обожгли ей душу. Как же ей не пришел в голову этот вопрос? Дженни стояла к Саре спиной. Только Джеффри, Лена и Брэд видели все, что происходит.

– Сара?

По тому, как Джеффри смотрел на нее, Сара знала, что сейчас не время для экивоков.

– Да, – ответила она, постаравшись, чтобы голос звучал твердо. – Это был чистый выстрел, Джеффри. Ты должен был его сделать.

Джеффри отошел от нее. Повернулся и, прислонившись спиной к стене, спросил:

– Вероятно, отцом был Марк, верно? Тот мальчик, которого она собиралась убить?

Он прижался головой к стене.

Сара сунула руки в карманы и буквально вросла в пол, чтобы не броситься к нему.

– Похоже, что так.

– Его родители не разрешили нам допрашивать его до завтрашнего дня. Ты это знала?

Она медленно покачала головой. Марка трудно было в чем-либо подозревать. Разве Джеффри может арестовать подростка за то, что в него целились из пистолета?

– Они говорят, что он и так натерпелся.

Джеффри уронил голову на грудь.

– Что заставило ее так поступить? Через что ей пришлось пройти, отчего она подумала?...

Он помолчал и снова взглянул на Сару.

– Она ведь была одной из твоих пациенток?

– Они приехали сюда около трех лет назад, – произнесла Сара и умолкла, ища, как повернуть разговор в другое русло.

Она надеялась помочь Джеффри, настроить его на профессиональный лад. Надо отвлечь его от ужасного чувства вины. Собственные переживания отошли на второй план.

– Откуда? – спросил он.

– Кажется, раньше они жили в одном из северных штатов. Ее мать приехала сюда после очень неприятного развода.

– Откуда тебе это известно?

– Родители со мной часто делятся.

Она помолчала.

– Я не знала, что Дженни беременна. Срок был не менее шести месяцев.

Сара приложила руку к груди.

– Она была такой милой девочкой. Никогда бы не подумала, что она может так поступить.

Он кивнул, потер глаза.

– Тесс не уверена, что сможет опознать тех, кто был в комнате отдыха. Брэд собирается взять из школы классный журнал. Посмотрит, не покажется ли кто знакомым. Я хочу, чтобы и ты посмотрела.

– Ну, конечно.

– Там было так много народу, – сказал он, очевидно, имея в виду каток. – Люди разошлись, не дав показаний. Не знаю, сможем ли мы всех отследить.

– Ты что-то узнал?

Он отрицательно помотал головой.

– Ты уверена, что в туалет вошли только двое? Дженни и другая девушка?

– Я видела только их, – ответила Сара, хотя после случившегося она не знала, в чем она вообще может быть уверена. – Я ее не видела. Думаю, что если бы она была моей пациенткой, то я бы ее узнала.

Сара остановилась, пытаясь вспомнить, но в голову ничего не приходило.

– Она была высокая. Кажется, на ней была бейсболка.

Он вскинул глаза.

– А цвет запомнила?

– Там было темно, Джеффри, – сказала Сара, понимая, что она его разочаровывает.

Она поняла, почему так много свидетелей с легкостью дают ложные показания. Чувствовала себя глупой и бесполезной, оттого что не разглядела другую девушку. Ее мозг пытался компенсировать свое незнание вбрасыванием случайных кусков информации. Впрочем, они могли не соответствовать истине.

– Теперь я даже не уверена, что это была бейсболка, – призналась она. – Я не обратила внимания.

Сара выдавила улыбку:

– Я высматривала тебя.

Он не улыбнулся ей в ответ.

– Я разговаривал с ее матерью.

– Что ты ей сказал?

Вернулся его фиглярский тон.

– «Я застрелил вашу дочь, миссис Уивер. Прошу прощения».

Сара прикусила нижнюю губу. Если бы Джеффри жил в крупном округе, его бы отстранили от должности и завели уголовное дело. Разумеется, округ Грант был невелик. Джеффри сам отвечал за все.

– Она не хотела вскрытия, – сказал он. – Я объяснил, что выбора у ее дочери не было. Она сказала, что это... – Он помолчал и добавил: – Она сказала, что это убийство вдвойне.

У Сары болезненно сжалось все внутри.

– Она назвала меня убийцей ребенка, – сказал он. – Я теперь убийца ребенка.

Сара покачала головой.

– У тебя не было выбора, – сказала она, зная, что говорит правду.

Она любила этого человека, жила с ним. Он не ошибся.

– Ты действовал по инструкции, – сказала она. Он иронически рассмеялся.

– Джефф...

– Считаешь, что она сделала бы это? – спросил он. – Не думаю, чтобы она так поступила.

Я проигрываю всю ситуацию и думаю, что она, наверное, просто бы ушла. Возможно, она бы...

– Посмотри сюда, – прервала его Сара, указывая на стол. – Она убила собственного ребенка, Джеффри. Так неужели не убила бы и его отца?

– Мы никогда этого не узнаем.

Молчание спустилось на них плотным облаком. Морг находился в подвале больницы. Единственным звуком в облицованном кафелем помещении был шум компрессора холодильной установки. В этот момент он, громко щелкнув, отключился. От стен отлетело эхо.

– А ребенок был жив? – спросил Джеффри. – Девочка родилась живой?

– Без медицинской помощи она бы долго не протянула, – сказала Сара, не отвечая на его вопрос.

По какой-то причине ей хотелось защитить Дженни.

– Я спросил: ребенок родился живым? – повторил он.

– Она была очень маленькой, – сказала Сара. – Не думаю, что она бы...

Джеффри вернулся к столу. Сунул руки в карманы и уставился на ребенка.

– Я хочу... – начал он. – Я хочу пойти домой. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

– Хорошо, – ответила она.

Она услышала его слова, но не поняла, чего он хотел.

– Я хочу заняться с тобой любовью, – сказал он.

Вероятно, глаза Сары отразили шок, который она испытала.

– Я хочу...

Он запнулся.

У Сары помертвело внутри.

– Ты хочешь сделать ребенка.

По его глазам она поняла, что это – последнее, что пришло бы ему в голову. Сара почувствовала унижение. Сердце прыгнуло ей в горло. Она не могла говорить.

Он покачал головой.

– Я не это собирался сказать.

Сара отвернулась от него, ее щеки горели. Она не могла найти оправдания своим словам.

– Я знаю, ты не можешь... – сказал он.

– Забудь об этом.

– Просто я...

Она ненавидела себя, а не Джеффри, но, когда снова заговорила, голос ее был суров:

– Я сказала: забудь об этом.

Джеффри подождал несколько мгновений, очевидно, соображая, что нужно сказать.

Когда он заговорил, голос был печальным.

– Я хочу вернуться примерно в прошлое, примерно в пять часов вечера. Хорошо?

Он ждал, когда она к нему повернется.

– Я хочу вернуться на этот дурацкий проклятый каток вместе с тобой, и, когда зазвонит мой пейджер, я брошу его в мусорную урну.

Сара смотрела на него молча: боялась заговорить.

– Вот чего я хочу, Сара, – сказал он. – Я не думал о том, что ты...

Она остановила его предупреждающим жестом руки. На лестнице послышались шаги. Спускались двое. Сара вошла в свой кабинет, на ходу утирая глаза. Вытащила из коробки на столе бумажный платок, высморкалась. Медленно сосчитала до пяти и взяла себя в руки.

Обернувшись, увидела в помещении морга детектива Лену Адамс и Брэда Стивенса. Они стояли рядом с Джеффри. Судя по лицу, тот сумел спрятать свои чувства. Все трое держали руки за спиной – обычная поза полицейских на месте происшествия: так они избегают случайного контакта с вещественными доказательствами. В этот момент Сара ненавидела их всех, даже Брэда Стивенса, который за всю жизнь и мухи не обидел.

– Здравствуйте, доктор Линтон, – сказал Брэд. Он снял фуражку, когда Сара вышла из кабинета. Лицо Брэда было бледнее обычного, и в глазах его стояли слезы.

– Будьте добры... – начала Сара и остановилась, откашлялась и продолжила: – Будьте добры, пойдите наверх и принесите мне несколько простыней. Четыре простыни.

На самом деле Саре не нужны были простыни, но Брэд совсем недавно был одним из ее пациентов. Ей все еще хотелось защитить его.

Брэд улыбнулся. Он обрадовался, что ему есть что делать.

– Да, мэм.

После того как он ушел, Лена деловито спросила:

– Вы уже закончили с ребенком?

Ответил Джеффри:

– Да.

Хотя он тут был и ни при чем.

Он заметил на столе отчет о вскрытии и взял его. Сара промолчала, когда он вынул из нагрудного кармана ручку и поставил внизу документа свою подпись. Сара нарушила правила, сделав вскрытие без свидетелей.

– Девушка в холодильном отделении? – спросила Лена и пошла к двери.

Походка у нее была непринужденная, словно то, что произошло, было обычным делом. Сара знала, что недавно Лена попала в жуткую переделку, но тем не менее злилась из-за такого ее поведения.

– Здесь? – спросила Лена, взявшись рукой за дверь.

Сара, не сходя с места, кивнула. Джеффри пошел помочь Лене, и Сара застегнула молнию на мешке с ребенком. Сердце стучало, словно барабан, когда Лена и Джеффри вывезли на каталке тело Дженни Уивер. Возле стола они остановили каталку, ожидая, когда Сара откроет тело. Она этого не сделала, тогда Джеффри начал сдергивать большой черный мешок. Сара отвернулась, когда он взялся рукой за голову трупа. Он пошел к холодильнику, свободные концы мешка волочились по полу.

Лена демонстративно взглянула на часы. Саре хотелось дать ей пощечину, но вместо этого она подошла к металлическому шкафу, стоявшему возле раковины. Сара открыла стерильный пакет, надела халат, посмотрела через плечо в сторону холодильного отделения, не понимая, что там делает Джеффри. Сара помогала Лене переложить тело на стол, когда он наконец то появился.

– Пусти, – сказал он и занял место Лены.

Вместе с Сарой они переложили тело Дженни Уивер на белый фарфоровый секционный стол. Уивер была крупной девочкой, и поддерживающее устройство в изголовье стола задрожало, когда ее уложили на место.

Сара уложила под шею трупа черную подкладку. Постаралась думать о себе как о коро-нере, а не как о педиатре, заботившемся о здоровье девочки. За десять лет работы в морге у нее было лишь четыре случая, когда она знала усопших. Дженни Уивер стала первой жертвой, бывшей к тому же ее пациенткой.

Сара прикатила столик со стерильными инструментами. Уверилась, что у нее есть все, что нужно. Рядом со столом стояли большие весы для взвешивания органов. У ножной секции установила таз с инструментами для разделения тканей. Сам стол был вогнутым, с высокими бортами, чтобы с него ничего не падало.

Карлос, ассистент Сары, накрыл тело Дженни Уивер белой простыней. В том месте, где ткань соприкасалась с горлом, расплылось красное пятно. Сара позволила Карлосу заняться Дженни, пока сама работала с ребенком. Ассистент сделал рентгеновский снимок и подготовил Дженни к вскрытию. Сара все это время понапрасну старалась привести тельце ребенка в должный вид. Возможно, Карлос удивился, когда Сара приказала ему идти домой, однако не подал виду и подчинился.

Сара опустила простыню чуть выше груди девочки. Чистой рану не назовешь: правая сторона шеи разворочена. Из черной крови выступали хрящи и кости.

Сара подошла к висевшему на стене проектору и включила его. Свет замигал – появился рентгеновский снимок, сделанный Карлосом.

Она внимательно взгляделась, поначалу не понимая, что видит. Проверила имя в истории болезни, прежде чем сообщить о своих находках.

– Вы видите здесь слабые следы перелома у левой плечевой кости. Этот перелом случился по крайней мере год назад. Перелом не типичный, особенно для человека не спортивного типа. Полагаю, он произошел в результате избиения.

– Ты ее тогда лечила? – спросил Джеффри.

– Конечно нет, – ответила Сара. – Я бы тогда об этом доложила. Да и любой другой врач немедленно бы об этом сообщил.

– Ну-ну, – сказал Джеффри и поднял руки.

Должно быть, сама того не заметив, она ответила слишком резко. Вот и Лена проявила вдруг повышенный интерес к полу.

Сара вернулась к рентгеновскому снимку.

– Есть также след от травмы вокруг реберных хрящей.

Она указала на снимок грудной клетки.

– Возле грудины имеется след, который мог произойти от сильного толчка.

Сара задумалась: может, Дженни обращалась с этим к другому врачу. Но и самый неопытный врач должен был понять, что такая травма наводит на невеселые размышления.

– Думаю, человек, который сделал это, был ростом выше ее. А травма недавняя.

Сара вставила в проектор новый диапозитив. Скрестив на груди руки, изучила снимок.

– Это – тазовый пояс, – объяснила она. – Обратите внимание на слабую линию вот здесь, на седалищной кости. Это означает травматическое давление на лобковую кость. Так называемый усталостный перелом.

– Усталость от чего? – спросил Джеффри.

Сара удивилась, когда Лена ответила на вопрос.

– Ее изнасиловали, – сказала Лена таким тоном, каким она могла бы объявить, что у девочки голубые глаза. – Было совершено грубое насилие. Верно?

Сара кивнула и хотела сказать что-то еще, когда услышала на лестнице шаги. По резвости шагов поняла, что вернулся Брэд.

– Вот и я, – объявил Брэд, входя в дверь.

Он держал в руках охапку простыней.

Сара остановила его вопросом:

– А наволочки принес?

– Ох, – удивленно сказал Брэд и покачал головой. – Нет, извините.

– Думаю, они на верхнем этаже, – сказала Сара. – Принеси не меньше четырех.

– Да, мэ, – ответил он и положил простыни на стол возле дверей.

Лена скрестила руки, когда он ушел.

– Ему не меньше двенадцати, – сказала она.

Теперь Джеффри впервые обратился к Лене, с тех пор как она вошла в морг. Совершенно не в своем стиле бросил:

– Заткнись.

Лена покраснела, но промолчала. Ей это тоже не было свойственно.

– Травмы на груди можно было вытерпеть только с «тайленолом», – прокомментировала Сара. – Раны на тазовом поясе зажили сами собой. Понятно теперь, почему в последнее время она набрала вес. Ей трудно было двигаться.

– Думаешь, ее избивал бойфренд? – спросил Джеффри.

– Во всяком случае, кто-то избивал.

Сара снова посмотрела на снимки, чтобы ничего не пропустить. Все это время, принимая в кабинете Дженни Уивер, Сара не подозревала, что девочку кто-то избивает. Как она умудрилась скрывать это? Почему Сара ничего не знала? Само собой, когда она жаловалась на болезненное горло, Сара не посылала ее сделать рентген. Дженни не снимала одежду во время осмотра. Девочки-подростки очень застенчивы, и Сара всегда совала стетоскоп под рубашку Дженни, чтобы послушать ее сердце и легкие.

Сара подошла к столу для дальнейшего осмотра. Ее руки слегка тряслись, когда она отодвинула простыню. Сара так старалась усмирить дрожь, что не заметила, что обнажает.

– Черт возьми! – воскликнула Лена и тихонько присвистнула.

На этот раз Джеффри ее не упрекнул, и Сара поняла, почему. На теле девочки были маленькие порезы, больше всего – на руках и ногах. Раны были на разной стадии заживления, но некоторые были сделаны совсем недавно.

– В чем дело? – спросил Джеффри... – Почему она старалась убить себя?

Сара смотрела на следы на коже. Ни одного такого не было на запястье или в местах, которые могли заметить окружающие. По крайней мере, стало понятно, почему девочка жарким летом носила рубашку с длинными рукавами. Узкие ряды очень глубоких порезов шли по левому запястью Дженни. Они начинались примерно в трех дюймах от запястья. Темнота шрамов говорила о том, что раны были обычным делом. Порезы на ногах были гораздо глубже и скрещивались друг с другом. Более глубокие порезы шли от колена к бедру. Девочка нанесла их себе сама.

– Что это? – спросил Джеффри, хотя должен был знать и сам.

– Порезы, – ответила Лена.

– Членовредительство, – поправила ее Сара, словно это делало ситуацию лучше. – Я видела такое и раньше.

– Зачем? – спросил Джеффри. – Зачем это с собой делают?

– Большинство по глупости, – сказала ему Сара.

Ее душил гнев. Сколько раз она видела эту девочку? Сколько признаков она пропустила?

– Иногда они просто хотят узнать, какие при этом будут ощущения. Обычно они просто играют, не думая о последствиях. Хотя... – она замолчала, вглядываясь в глубокие порезы на левом бедре Дженни, – здесь что-то другое. Она прятала их. Не хотела, чтобы люди знали.

– Почему? – не отставал Джеффри. – Почему она делала это?

– Проверка самообладания, – ответила ему Лена.

Саре не понравилось, как Лена смотрит на девочку. В ее взгляде чувствовалось едва ли не уважение.

– Это глубокий психоз, – возразила Сара. – Обычно так поступают больные булимией или анорексией. Это – форма ненависти к самому себе.

Она красноречиво посмотрела на Лену.

– Тому бывает причина. Например, избиение или изнасилование.

Лена секунду смотрела ей в глаза, после чего отвернулась.

Сара продолжила:

– Бывают и другие причины. Насилие над личностью, душевная болезнь, проблемы в школе или в семье.

Сара прошла к шкафу с инструментами и вынула пластиковое гинекологическое зеркало. Натянула вторую пару перчаток и открыла зеркало. Лена чуть дернулась от щелчка, а Сара обрадовалась, что детектив способна на проявление чувств.

Сара подошла к телу и раздвинула ноги девочки. Неожиданно замерла: мозг отказывался принимать то, что видели ее глаза. Уронила зеркало на стол.

– В чем дело? – спросила Лена.

Сара не ответила. Она думала, что сегодня ее больше ничто не поразит. Оказывается, ошиблась.

– В чем дело? – повторила Лена.

– Никакого ребенка она не родила, – ответила Сара. Джеффри указал рукой на неиспользованное зеркало.

– Как ты можешь быть в этом уверена? Ведь ты ее не осмотрела.

Сара переводила взгляд с одного на другого, не зная как ответить.

– Ее влагалище зашито, – наконец сказала она. – Судя по заживлению, зашито не менее шести месяцев назад.

Воскресенье

4

Глядя в окно автомобиля, Лена водила языком по внутренней стороне передних зубов. Никак не могла привыкнуть к чужеродному ощущению временных зубных протезов. Через три недели ей поставят трансплантаты – их вкрутят в десны, словно крошечные лампочки. Она не представляла, что будет при этом чувствовать. Сейчас протезы постоянно напоминали ей о том, что произошло с ней четыре месяца назад.

Наблюдая за проносившимся мимо пейзажем, Лена старалась заблокировать память. Грант был маленьким городом, но все же побольше, чем Рис, где выросли Лена и ее сестра-близнец Сибил. Их отца убили во время исполнения служебных обязанностей. Случилось это за восемь месяцев до их рождения. Мать умерла во время родов. Обязанность растить детей легла на плечи дяди, Хэнка Нортон, алкоголика и лихача. Он боролся с обоими пристрастиями на протяжении всего их детства. Однажды солнечным утром пьяный Хэнк подавал свой автомобиль задним ходом по подъездной дорожке и сшиб Сибил. Лена всегда винила его за то, что он сделал сестру слепой. Она не простила Хэнку этот несчастный случай, и на ее ненависть он ответил такой же злобой. У них было прошлое, которое мешало им пойти навстречу друг другу. Даже сейчас, когда Сибил умерла, Лена смотрела на Хэнка Нортон как на несчастье своей жизни.

– Ну и жара, – пробормотал Хэнк и промокнул шею выдавшим виды платком.

Лена едва слышала его из-за рева кондиционера. Старый «мерседес-седан» Хэнка был танком, а не автомобилем, и в салоне тоже все поражало размерами. Огромные сиденья – сюда при желании можно было поместить лошадь. Приборы управления тоже были большими, а их дизайн скорее поражал воображение, чем помогал при езде. И все же сидеть в машине было уютно – очень уж солидно все выглядело. Даже гравийная дорога, ведущая от дома Лены, была «мерседесу» нипочем: он словно плыл по земле.

– Ну и жарница, – повторил Хэнк.

Чем старше он становился, тем чаще повторял одно и то же. Ему, по-видимому, нечего было сказать.

– Да, – согласилась Лена, глядя в окно.

Она чувствовала, что Хэнк смотрит на нее, очевидно, хочет поболтать. Спустя несколько мгновений он от этого намерения отказался и включил радио.

Лена прижалась затылком к подголовнику и закрыла глаза. Она согласилась пойти с дядей в церковь в воскресенье, вскоре после того как вернулась из больницы домой. В последующие месяцы это вошло в привычку. И дело было не в религиозных убеждениях, а в том, что Лена боялась оставаться дома одна. Ей больше не в чем было каяться. Она заплатила свой долг Богу или Тому Кто Управляет Делами четыре месяца назад. Ее изнасиловали и погрузили в кошмарный мир боли и ложного превосходства.

Хэнк снова подал голос:

– Ты хорошо себя чувствуешь, детка?

Какой глупый вопрос, подумала Лена. Какой глупый и пошлый вопрос.

– Ли?

– Да, – ответила она.

– Нэн снова звонила, – сказал он.

– Знаю, – ответила Лена.

Нэн Томас, любовница Сибил, в последний месяц то и дело звонила.

– У нее остались вещи Сибил, – сказал Хэнк, хотя знал, что Лене это было известно. – Она хочет отдать их тебе.

– Почему бы ей не отдать их тебе? – возразила Лена.

Она не хотела видеть эту женщину, и Хэнк знал это. Тем не менее вновь поднял эту тему. Хэнк перевел разговор.

– Эта девочка... вчера вечером, – начал он и выключил радио. – Ты была там?

– Да, – сказала она.

Лена сжала челюсти, чтобы не заплакать. Будет ли она когда-нибудь говорить нормально? Неужели даже звук собственного голоса постоянно будет напоминать ей о том, что он с ней сделал?

Он... думала Лена, не позволяя мозгу произносить его имя. Она смотрела на сложенные на коленях руки, разглядывала шрамы на тыльных сторонах ладоней. Если бы Хэнк не сидел рядом, она повернула бы руки и посмотрела бы на следы от гвоздей, проткнувших насквозь ладони. Те гвозди прибили ее к полу. Такие же шрамы были на ступнях между пальцами и щиколотками. Два месяца физиотерапии вернули рукам работоспособность. Ноги тоже нормально передвигались, а вот шрамы останутся навсегда.

В памяти Лены осталось лишь несколько болезненных моментов того, что происходило с ее телом во время насилия. Картину восстановили шрамы и написанная в госпитале история болезни. Она помнила мгновения, когда наркотики прекращали свое воздействие, и он приходил к ней, садился рядом на пол, словно они были в лагере церковной общины. Он рассказывал ей о своем детстве, о жизни, будто они были любовниками, желающими узнать все друг о друге.

Мозг Лены был наполнен подробностями его жизни: его первого поцелуя, первого полового сношения. Она помнила о его надеждах и мечтах, о болезненных наваждениях. Все это жило в ее сознании так же ясно, как воспоминания из собственного прошлого. Рассказывала ли она ему такие же истории о себе? Она не помнила, и это ранило ее глубже, чем физическое воздействие. По временам Лена думала, что шрамы были ничто по сравнению с интимными разговорами, которые она вела со своим насильником. Он манипулировал Леной, как хотел, и она не могла более управлять собственными мыслями. Он насиловал не только ее тело, но и ее мозг.

Даже сейчас его воспоминания постоянно мешались с ее прошлым, и она была не уверена, случилось ли то или другое событие с ней или с ним. Единственный человек – Сибил – могла разрешить ее недоумение.

Одна она могла вернуть Лену к жизни, к детству. Но Бог отобрал и ее.

– Ли? – Хэнк снова вторгся в ее мысли.

Он протянул ей пачку жевательной резинки. Она отрицательно покачала головой. Видела, как, держа одной рукой руль, другой он разворачивал «джуси фронт». Рукава его рубашки были завернуты, и она видела следы на мучнисто-белых предплечьях. Эти ужасные шрамы напомнили ей о Дженни Уивер. Вчера Джеффри все спрашивал: зачем человек намеренно наносит себе увечья, но Лена понимала, что боль может успокаивать. Примерно через шесть недель после выписки из больницы Лена случайно прищемила пальцы в двери автомобиля. Пронизывающая горячая боль разлилась по руке, и на долю секунды Лена поймала себя на том, что ей это нравится. Она снова почувствовала это.

Лена закрыла глаза, сцепила на коленях руки. Ее пальцы отыскивали привычные шрамы. Она ощупывала сначала один, потом другой. Когда совершалось насилие, боли она не чувствовала. Наркотики убеждали ее, что она плывет по океану, что она в безопасности. Ее мозг создал реальность, отличную от той, что устроил насильник. Когда он касался ее, мозг Лены говорил ей, что это – Грег Митчелл, ее давнишний школьный бойфренд. Тело Лены отвечало Грегу, а не ему.

И все же, несколько раз с тех пор, как Лена способна была спать и видеть сны, ей снилось, что трогает ее насильник, а не Грег. Это его руки были на ее груди. Это он был внутри нее. И когда она просыпалась в страшном испуге, то искала в пустой темной комнате не Грега.

Лена сжала кулаки, ощутив тошнотворно сладкий запах жевательной резинки Хэнка. Ее желудок без предупреждения взбунтовался.

– Останови, – с трудом произнесла она, прикрыв рот одной рукой, а другой – хватаясь за дверную ручку.

Хэнк резко свернул автомобиль на обочину, и Лену вырвало. С утра она выпила лишь чашку кофе, и она вышла наружу вместе со слезью. Вскоре все кончилось. Лена тяжело дышала, от усилия на глаза навернулись слезы, тело сильно дрожало.

Ей казалось, что прошло несколько минут. Тошнота наконец прошла. Лена утерла рот тыльной стороной ладони. Хэнк похлопал ее по плечу и предложил свой платок. Ткань была теплой и пахла его потом, но она все же воспользовалась платком.

– Твоя резинка, – пробормотала она и, схватившись за приборный щиток, попыталась сесть. – Я не знаю, почему...

– Понял, – ответил он.

Нажал на кнопку, и окно опустилось. Он выплюнул резинку и снова выехал на дорогу. Хэнк смотрел прямо перед собой, крепко сжав челюсти.

– Извини, – сказала она, сама не зная, за что извиняется.

Хэнк казался сердитым, но она знала, что его гнев обращен на него самого, а не на Лену, потому что он не знал, как помочь. Это была знакомая сцена. Она разыгрывалась каждый день, с тех пор как она вернулась домой из госпиталя.

Лена повернулась, чтобы взять сумку, лежавшую на заднем сиденье. Там были таблетки пептобисмол и алтоидс, которые она держала как раз на этот случай. Она ненавидела выходные дни. На работе она была слишком занята, чтобы отвлекаться на такие эпизоды. Ей надо было составлять отчеты, делать звонки. Она знала, чем занимается, и, объезжая территорию вместе с Брэдом – поначалу она приняла его в штыки, – чувствовала себя компетентным человеком, к тому же находящимся в полной безопасности.

Работа была единственным ее спасением. Лена понимала, что дело не в том, что она была полицейским. Она чувствовала бы то же самое, если бы работала кассиром в скобяном магазине или уборщицей в школе. Преступление и преступники имели для нее такое же значение, как и правильная выдача сдачи или оттирка пятна с пола кафетерия. Работа задавала режим. Ей надо было приходиться в восемь часов утра. От нее ожидали выполнения определенных заданий. Брэду требовались ее инструкции. В полдень у них был ленч, вернее, ленч был у Брэда. Лена страдала отсутствием аппетита. Примерно в три часа они заходили выпить кофе в «Донат Кинг» на Мэдисон-авеню. В отделение возвращались к шести, и мир Лены распадался, пока не приходил следующий день, когда снова надо было ехать на работу. В редкие вечера – такие, как накануне, – Джеффри разрешал ей сверхурочные, и она была готова прослезиться, испытывая душевное облегчение.

– Ну, оправилась? – спросил Хэнк, в его голосе все еще слышалось осуждение.

Она огрызнулась:

– Прекрати.

– Ага, – ответил он и, включив сигнал поворота, остановился за шеренгой автомобилей, направлявшихся к церкви.

Они молчали, пока автомобиль двинулся к стоянке.

Лена взглянула на маленькое белое здание. Ей не хотелось туда идти. Она никогда не любила церковь, и в двенадцатилетнем возрасте ее даже выгнали из воскресной школы за то, что она вырвала страницы из Библии. Когда Хэнк набросился на нее с упреками, она сказала ему, что сделала это от скуки, но правда была в том, что Лена терпеть не могла правила. Она

возмущалась, когда ей приказывали что-то делать. Авторитеты для нее не существовали, пока она сама не убеждалась, что того или иного человека следует уважать. Единственная причина, по которой она стала хорошим копом, заключалась в том, что, работая «в поле», она была самостоятельна и сама могла отдавать приказы.

– Та девушка, – Хэнк продолжил разговор как ни в чем не бывало, – как печально то, что она совершила.

– Да, – согласилась Лена и пожала плечами, ей не хотелось об этом думать.

– Люди запутываются, я так считаю, – сказал Хэнк. – Не просят о помощи, а потом становятся слишком поздно. – Он сделал паузу и повторил: – Потом становится слишком поздно.

Он знала, на что он намекает. Он сравнивает ее с погибшей девушкой. Возможно, на последней странице брошюры общества анонимных алкоголиков прочитал указания о том, что следует делать в критических ситуациях. А еще там просили вписать в отведенную для этого строку имя спонсора и номер телефона.

– Если бы я собралась покончить жизнь самоубийством, то сделала бы это в первый же день после возвращения домой, – резко ответила Лена.

– Я не тебя имел в виду, – сказал Хэнк.

– Глупости, – прошипела она, и, помолчав, сказала: – Я думала, что ты скоро уедешь домой.

– Уеду, – подтвердил он.

– Ну и хорошо, – заявила она.

В этот момент она верила тому, что сказала. Хэнк жил в ее доме, после того как она выписалась из больницы, и Лену раздражало то, что он вмешивается в ее дела.

– У меня там бизнес, – сказал он, словно его жалкий бар на окраине Риса не уступал «Ай-би-эм». – Мне нужно вернуться. Уеду сегодня, если ты этого хочешь.

– Хорошо, – сказала она.

Ее сердце застучало при мысли, что ночью она останется одна. Лена не хотела, чтобы Хэнк жил в ее доме, но знала, что, если он уедет, она не будет чувствовать себя в безопасности. Даже днем, во время работы, когда Хэнк отлучался, чтобы посмотреть, все ли в порядке с его баром, она страшно боялась, что он попадет в аварию или просто решит не возвращаться. Тогда Лене придется жить одной в темном пустом доме. Хотя Хэнк был нежеланным гостем, он тем не менее защищал ее.

– У меня есть чем заняться, – сказал он.

Она молчала, но мысленно повторяла свою мантру – пожалуйста, не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй меня. У нее сжималось горло от желания сказать это вслух.

Автомобиль дернулся: Хэнк нашел место на стоянке возле церкви. Старый «мерседес» несколько раз качнулся назад и вперед и успокоился.

Хэнк глянул на Лену, и она поняла, что он знает ее мысли.

– Хочешь, чтобы я уехал? Скажи когда. Могла бы и раньше меня попросить.

Она прикусила губу. Ей хотелось почувствовать вкус крови. Искусственные зубы при этом сдвинулись, и, вздрогнув, она приложила руку ко рту.

– Что? Не можешь сказать?

Лена всхлипнула.

Хэнк отвернулся от нее. Ждал, когда она возьмет себя в руки. Она знала, что он мог спокойно смотреть, как в баре случайный посетитель напивается в хлам или ловит кайф, добыв дозу зелья, но слез Лены переносить не мог. Знала также, что он ненавидит ее за то, что она плачет. Вот к Сибил он относился, как к ребенку, всегда о ней заботился. Лена была сильным человеком, ни в ком не нуждалась. Перемена ролей оказалась для него шоком.

– Тебе нужно показаться терапевту, – сердито рявкнул Хэнк. – Вот и твой шеф говорит тебе то же самое. Это необходимо, а ты не слушаешься.

Она раздраженно покачала головой, не отрывая ото рта руки.

– Незачем выезжать на происшествия, – произнес он тоном осуждения. – Ложись в девять часов, вставай попозже. Ты о себе совсем не заботишься.

– Я о себе забочусь, – пробормотала она.

– Иди к терапевту, или я сегодня же уеду.

Он положил ладонь на ее руку, заставляя ее повернуть голову.

– Я серьезно говорю тебе, детка.

Неожиданно выражение лица его изменилось, и суровые морщины разгладились. Он отвел назад ее волосы. Хэнк старался вести себя с ней по-отечески, но его легкие прикосновения напомнили ей о том, как трогал ее насильник. Та нежность была самым страшным воспоминанием: мягкие поглаживания, осторожное использование языка и пальцев, с тем чтобы вызвать у нее возбуждение, страшно медленный половой акт. Казалось, что он не насилует, а занимается с ней любовью.

Лену затрясло, она не могла унять дрожь. Хэнк быстро убрал руку, словно понял, что прикоснулся к чему-то мертвому. Лена дернулась и стукнулась головой об окно.

– Никогда больше не делай этого, – предупредила она, но в ее голосе был только страх. – Не прикасайся ко мне. Никогда так меня не трогай. Слышишь?

Она задыхалась, пытаясь унять поднимающуюся к горлу желчь.

– Знаю, – сказал он и спрятал руку за спину. – Знаю. Извини, пожалуйста.

Лена потянулась к дверной ручке, несколько раз промахнулась – так сильно дрожали ее руки. Она вышла из машины, глотнула воздух. Жара обволокла ее, и она зажмурилась, пытаясь не связывать воедино жару и сны о том, как она плывет по океану.

Позади себя услышала знакомый дружелюбный голос.

– Привет, Хэнк.

Это был Дейв Файн, проповедник.

– Доброе утро, сэр, – откликнулся Хэнк.

Голос у него был куда добрее, чем когда он разговаривал с Леной. Она и раньше слышала от него такие доброжелательные интонации, но только в обращении к Сибил. Лену он всегда лишь критиковал.

Прежде чем повернуться, Лена постаралась привести дыхание в норму. Улыбаться она не могла, но слегка приподняла уголки губ. Должно быть, проповедник принял это за болезненную гримасу.

– Доброе утро, детектив, – поздоровался Дейв Файн.

Пасторское сочувствие впиталось Файну в кровь, и это было хуже, чем все, что сказал Хэнк в машине. Последние четыре месяца Хэнк подталкивал Файна к Лене, хотел, чтобы та поговорила со духовным отцом. Проповедник был также и психотерапевтом. Во всяком случае, он так утверждал. По вечерам он принимал пациентов. Лена не хотела говорить с ним о погоде, а уж тем более о том, что с ней произошло. И дело не в том, что Файн не казался ей достойным христианином, а в том, что последний из всех людей, с кем Лена могла бы говорить об этом, был проповедник.

Она коротко поздоровалась и прошла мимо, прижимая к груди сумку, словно старая дама на распродаже поношенных вещей.

Лена спиной почувствовала его взгляд. Слышала, как Хэнк извиняется за ее поведение. Священник ни в чем не виноват – человек он был хороший, – но она ничего не могла сказать так, чтобы он понял.

Лена ускорила шаг, смотрела прямо перед собой. У входа в церковь стояла толпа. Люди расходились, давая ей дорогу. Лена поднималась по ступеням, стараясь идти медленно, на самом деле ей хотелось вбежать в здание. Все, за исключением Брэда Стивенса, который пощечьями скалил зубы, улыбаясь ей, находили себе другой интересный объект. Мэтт Хоган,

ставший партнером Фрэнка Уоллеса, сосредоточил свое внимание на сигарете: зажигал ее с таким видом, будто держал в руке ядерный заряд.

Лена вздернула подбородок и отвернула глаза, не желая, чтобы кто-нибудь с ней заговорил. И все же чувствовала обращенные на нее взгляды. Знала, что стоит ей отойти, как все тут же начнут шептаться.

Кроме ненавистных походов в церковь, Лену больше всего мучили люди. Город знал о том, что с ней приключилось. Всем было известно, что ее похитили и изнасиловали. Из газет они узнали мельчайшие подробности происшествия. За процессом ее выздоровления и последующим возвращением домой следили не менее увлеченно, чем за просмотром мыльных опер и футбольных матчей. Лена не могла пойти в магазин без того, чтобы кто-нибудь не попытался посмотреть на шрамы на ее руках. Не могла пройти через толпу без того, чтобы кто-нибудь не проводил ее сочувственным взглядом. Словно они были в состоянии понять, что ей пришлось пережить. Будто понимали, что это значит: сегодня быть сильной и независимой, а завтра – беспомощной и униженной. И на следующий день – тоже.

Двери церкви были закрыты, чтобы не пустить в здание жаркий воздух. Лена потянулась к ручке одновременно со священником, и их ладони соприкоснулись. Она отдернула руку, словно от огня, и, опустив глаза, подождала, когда он отворит дверь. Вошла в вестибюль, а потом и в зал, смотрела на красный ковер, на белые гипсовые карнизы, на скамьи, только не на людей. Не позволяла тем самым с собой заговорить.

Внутреннее убранство церкви было простым, по баптистским стандартам, а зал – небольшим для такого городка. Большая часть старых жителей посещала ортодоксальную баптистскую церковь на Стокс-стрит и делала пожертвования ей, а новой баптистской церкви было около тридцати лет. В подвале маленького здания собирались люди, не создавшие семью, или разведенные, или родители-одиночки. Бог в этой церкви не был строгим. Люди слушали проповеди о прощении и любви, милосердии и мире. Дейв Файн не порицал свою паству за грехи, не пугал ее адом и котлом с кипящей смолой. Это было радостное место. Во всяком случае, так утверждал церковный бюллетень. Лена не удивилась тому, что Хэнк выбрал именно эту церковь. Он ходил на собрания анонимных алкоголиков, а рядом с этой комнатой находилось помещение, где беседовали с родителями подростков.

Лена уселась во втором ряду: она знала, что Хэнк хочет сидеть поближе к проповеднику. Ему требовалась обычная воскресная доза прощения. Перед ней сидела жена Дейва Файна вместе с двумя детьми. Слава богу, они не обернулись. Лена скрестила ноги, разгладила брюки, но почувствовала, что женщина на другом конце скамьи смотрит на ее руки. Лена поспешно убрала их и взглянула на возвышение. В центре стояла кафедра, по обе стороны от нее расходились большие, обитые бархатом стулья. За кафедрой было место для хора, а сбоку – орган. Его трубы, сверкающие как нагрудные доспехи, вздымались по стенам справа и слева от купели. В центре всего этого был Иисус, с раскинутыми руками и прибитыми к кресту ногами.

Лена отвернулась, когда Хэнк уселся подле нее на скамью. Взглянула на часы. В девять тридцать начнется служба. Она будет идти в течение часа, затем настанет черед получасовой воскресной школы. Около одиннадцати они направятся в «Ваффл-хаус». Там Хэнк съест свой ленч, а Лена подержит в руках чашку кофе. Домой вернутся к полудню. Лена займется уборкой, а потом поработает над парочкой отчетов. В час тридцать ее ждут в отделении: будут обсуждать дело Дженни Уивер. На это, если повезет, уйдет три часа. Потом приедет домой и подготовится к воскресному обеду и вечерней службе. Послушает церковный хор. Концерт продлится до половины десятого. К тому моменту, как приедут домой, Лене следовало бы давно лежать в постели.

Обдумав это, она медленно выдохнула и почувствовала облегчение, оттого что, по крайней мере, сегодня ей есть чем заняться.

– Сейчас начнут, – прошептал Хэнк.

Из ящика, прибитого к спинке передней скамьи, он вынул сборник псалмов. Зазвучал орган. Хэнк раскрыл книгу и сказал:

– Проповедник Файн хочет, чтобы ты пришла завтра после работы.

Лена притворилась, будто не расслышала, но ее мысленные часы сделали зарубку: по крайней мере, будет что делать. К тому же, согласившись на встречу, она хотя бы ненадолго задержит Хэнка в городе.

– Ли? – сказал он.

Ответа не дождался. В этот момент хор начал петь.

В ушах Лены вибрировал баритон Хэнка. Он пел «Все ближе к тебе, мой Господь». Лена не намерена была произносить слова гимна. Она водила языком по передним зубам, а глазами следила за пальцем Хэнка, двигавшимся по странице. Потом оглянулась на распятие. Лена почувствовала легкость, мистическое спокойствие. Как бы ни хотелось ей отрицать это, но в знакомых очертаниях распятия она находила некоторое умиротворение.

5

Сара ехала в темно-зеленом «ВМВ-Z3» по центральной части Хартсдейла. Автомобиль она купила, повинувшись внезапному порыву, если поверить, что вещь, стоящую свыше тридцати тысяч долларов, можно купить, уступая неведомой прихоти. Когда Сара совершала эту покупку, на свидетельстве о разводе еще не успели просохнуть чернила. Ей захотелось чего-то непрактичного и броского. Модель «Z3» отвечала этому желанию как нельзя лучше. К сожалению, едва отъехав от магазина, Сара поняла, что машина не сделает ее счастливее. По правде сказать, она почувствовала себя глупо, тем более что семья с ней рассорилась. Прошло два года, но Сара все еще чувствовала смущение, когда смотрела на свою машину, припаркованную на подъездной дорожке.

Билли, кобель-грейхаунд, пристроился на пассажирском сидении. Он опустил голову, потому что в спортивной машине ему было тесновато. Билли облизывал губы, но вообще-то вел себя смирно. Глаза его были закрыты. Холодный воздух из вентилятора прижимал острые уши. Кончики губ немного приподнимались, словно он улыбался, радуясь поездке. Сара краем глаза посматривала на него: как бы она хотела, чтобы жизнь снова стала для нее простой.

Улица была почти пустой, поскольку ни один из магазинов по воскресеньям не работал. За исключением скобяной лавки и магазина «файв-энд-дайм», большинство торговых точек закрылись уже со второй половины субботы. Сара родилась здесь, в медицинском центре Гранта. Тогда он был единственным госпиталем региона. Эту улицу она знала назубок, как любимую книгу.

Сара медленно развернулась у ворот колледжа и въехала на стоянку напротив детской клиники. Несмотря на то что она поставила вентиляцию на максимум, ноги липли к кожаному сидению. Она приготовилась к жаре, но, открыв дверь машины, почувствовала, что зной все же чрезмерен. Даже Билли помедлил, прежде чем выпрыгнуть из машины. Он оглядел территорию парковки, возможно, жалея, что поехал с Сарой. Лучше бы остался в прохладном доме с другим грейхаундом, Бобом.

Сара вытерла лоб тыльной стороной ладони. На ней были джинсы с обрезанными штанинами, майка, а поверх нее – старая рубашка Джеффри, но ничто не могло спасти ее от горячего влажного воздуха. Дождь – даже соблаговолит пройти – оказывался бесполезным. Его можно было уподобить воде, вылитой в горящий жир. Иногда Сара с трудом вспоминала, что такое холод.

– Пойдем, – сказала Сара собаке и потянула за поводок.

Билли, как всегда, ее проигнорировал. Сара отпустила поводок, и Билли, показав худой зад, запрыгал к тыльной стороне здания. На его задних ногах были шрамы: на бегах его слишком часто ударяло воротами. Каждый раз, когда Сара видела это, ее сердце болезненно сжималось.

Билли неторопливо сделал свое дело: лениво задрал ногу на росшее возле стены дерево. Территория вокруг дома находилась в собственности клиники. Она была густо засажена. Впрочем, имелись и дорожки. Студенты бегали по ним, когда было не слишком жарко. Сара прочитала сегодня утром газету «Саванна ньюс» и узнала, что редакция советует людям беречься и не выходить на улицу без крайней необходимости.

Сара встряхнула брелок с ключами и отыскала тот из них, что подходил к задней двери. Когда она ее отворила, почувствовала, как по шее и спине потекла струйка пота. Возле двери стояла миска, и Сара налила в нее воду из уличного шланга. Билли тем временем чесал спину, валяясь кверху брюхом на газоне.

В клинике было так же жарко, как и снаружи, потому что доктор Барни – который был хорошим педиатром, но никудышным архитектором – настоял на том, чтобы южный фасад

здания облицевали стеклокерамикой, тогда как известно, что этот материал притягивает жару. Сара и представить не могла, что творится сейчас в зале ожидания. У задней стены клиники можно было довести до кипения воду.

У Сары так пересохло во рту, что и речи не было о том, чтобы свистнуть собаку. Она подержала дверь открытой, чтобы Билли смог войти в дом. Он долго пил и наконец вошел. Сара видела, как он остановился посередине коридора, оглянулся по сторонам и, тяжело вздохнув, развалился на полу. Глядя на это ленивое животное, никто бы не поверил, что он несколько лет участвовал в бегах в Эбро. Лена наклонилась, погладила борзую, сняла поводок, после чего пошла в свой кабинет.

Планировка здания была типичной для большинства педиатрических учреждений. Коридор в форме буквы «L», с тремя кабинетами по обе стороны длинного фрагмента этой буквы, на короткой части – два кабинета, правда, одна из комнат использовалась как кладовка. В центре коридора – сестринский островок. Он был мозгом клиники: ведь там стоял компьютер, содержащий информацию о пациентах, и ряд шкафов – от пола и до потолка – с историями болезней. Позади комнаты ожидания – архив. Он хранил информацию о пациентах вплоть до 1969 года. Там бы надо было навести ревизию, но Саре было недосуг, а просить персонал делать то, чем сама она не готова заниматься, ей было неловко.

Кроссовки Сары щелкали по чисто вымытому кафельному полу. Свет она зажигать не стала. Сара и в темноте знала это место, хотя это была не единственная причина, по которой она не включила электричество. Потрескивание и мерцание флуоресцентных ламп отвлекло бы ее от работы.

Пока она шла до кабинета, располагавшегося напротив сестринского островка, Сара успела расстегнуть рубашку и завязала ее на талии. Лифчика на Саре не было, но она не ожидала кого-нибудь встретить и потому не беспокоилась.

На стенах ее кабинета висели фотографии пациентов. Начало положила благодарная мать: она подарила Саре школьную фотографию своего ребенка. Сара приткнула ее к стене, затем днем позже явилось еще одно фото, и она прикрепила ее рядом с первой фотографией. С тех пор прошло двенадцать лет. Фотографии выехали в коридор и в ванную комнату. Сара помнила их всех, с насморками и больными ушами, школьными влюбленностями и семейными проблемами. Возле душа в ванной комнате висела где-то фотография Брэда Стивенса. Был тут и снимок мальчика по имени Джимми Пауэлл. Несколько месяцев назад ему диагностировали лейкемию. Сара повесила его фотографию поблизости, чтобы вспоминать его каждый день. Сейчас он лежал в больнице, и Сара знала, что через несколько месяцев еще один ее пациент окажется в могиле.

Фотографии Дженни Уивер на стене не было. Мать ее не приносила. Имелась лишь карточка, по которой можно было восстановить историю болезней.

Шкаф застонал, когда Сара открыла дверцу. Он был старым, как доктор Барни, и таким же несносным.

– Черт! – воскликнула Сара, когда «старичок» подался вперед.

Верхний ящик был набит до отказа, и ей пришлось свободной рукой поддерживать шкаф, чтобы он не свалился.

Сара быстро пробежала пальцами по именам. Со второй попытки нашла карточку Уивер. Задвинула ящик с громким стуком. Саре захотелось еще раз открыть его и стукнуть, чтобы нарушить мертвую тишину помещения.

Она включила настольную лампу и села. Потные ноги скользили по виниловому сидению. Может, разумнее было взять карточку домой. Во всяком случае, куда комфортнее. Сара, однако, комфорта не хотела. Считала, что ей требуется небольшое наказание: посиди-ка на жаре и найди то, что проворонила за три года.

Очки для чтения лежали в нагрудном кармане ее рубашки, и Сара на мгновение удари-лась в панику, подумав, что сломала их, когда усаживалась. Очки согнулись, но – слава богу – не сломались. Она надела их, глубоко вздохнула и открыла карточку.

Дженни Уивер впервые пришла в клинику три года назад. Вес ее в десятилетнем возрасте был в норме по отношению к росту. Она жаловалась на боль в горле. Сара прописала ей курс антибиотиков. Сара едва разобрала собственный почерк. Неделю спустя Дотти Уивер говорила с ней по телефону и сказала, что Дженни лучше. Да, она поправилась.

Года два назад Дженни начала набирать вес. К сожалению, в наши дни это – частое явление, особенно у таких девочек, как Дженни. Менструальный цикл у нее начался в одиннадцать лет. Теперь все ведут малоподвижный образ жизни, да и фастфуд делает свое черное дело. Способствуют этому и гормоны, содержащиеся в мясных и молочных продуктах. В некоторых медицинских изданиях Сара читала, как следует обращаться с девочками, достигшими способности к деторождению в восемь лет.

Сара продолжала изучать карточку Дженни. Помимо нарастания веса у Дженни диагностировали инфекцию мочеполовых путей. Три месяца спустя у девочки обнаружилась дрожжевая инфекция. Судя по записям, сделанным Норой, никаких подозрений у нее не возникло. Сейчас это вызвало у Сары сомнение. Инфекция могла быть началом истории. Она перевернула страницу, обратила внимание на дату. Дженни пришла через год – у нее произошла еще одна инфекция мочеточника. Год – срок солидный, но Сара вырвала лист бумаги и записала даты заболеваний, а также и даты двух других визитов Дженни. Оба раза она жаловалась на больное горло. Вероятно, родители Дженни воспитывали дочь по очереди. Надо проследить, совпадают ли даты визитов в клинику с пребыванием девочки у отца.

Сара положила ручку и попыталась вспомнить, что она знала об отце Дженни Уивер. Обычно дети приходили в клинику с матерями, и, насколько Сара могла припомнить, отца Дженни она ни разу не видела. Некоторые женщины, в особенности те, что недавно развелись, рассказывали о своих мужьях, не стесняясь присутствия детей. Саре всегда было неловко, когда это происходило. Она обычно пресекала такие разговоры в самом зародыше, но некоторые женщины все же успевали сообщать о муже такие вещи, которые ребенок ни в коем случае не должен был знать о своем отце. Дотти Уивер никогда так не поступала. Она была довольно разговорчива, даже болтлива, но своего мужа ни разу не осуждала, хотя Сара видела, что, судя по sporadическим выплатам страховки, у матери-одиночки было туго с деньгами.

Сара подняла очки и потерла глаза. Взглянула на настенные часы. Воскресный ленч у родителей должен состояться в одиннадцать, а Джеффри будет ждать ее в отделении в половине второго.

Сара покачала головой, отгоняя мысли о Джеффри. Заболел затылок, пульсирующая боль не давала сосредоточиться. Сара сняла очки и вытерла их подолом рубашки, словно надеясь, что это поможет ей разобраться в деле.

– Эй! – крикнула Сара, отворив дверь родительского дома.

Дохнуло прохладой, и влажная кожа покрылась пупырышками.

– Я здесь, – послышался из кухни материнский голос.

Сара бросила возле двери портфель, скинула тенниски и пошла вперед. Билли трусил впереди нее. Оглянувшись, сурово взглянул на Сару, словно вопрошая, почему они провели все это время в жаркой клинике, а не здесь, возле кондиционера. Желая подчеркнуть свое неудовольствие, он свалился набок посреди коридора, и Саре пришлось через него перешагивать.

Кэти стояла в кухне у плиты: жарила курицу. На ней все еще было платье, в котором она пришла из церкви, хотя туфли и колготки мать сняла. На талию свободно повязан передник с надписью «НЕ МЕШАЙТЕ ШЕФУ».

– Привет, мама, – сказала Сара и поцеловала ее в щеку.

Сара была самой высокой в семье. Она могла положить подбородок на голову матери, не вытягивая шею. Тесс унаследовала миниатюрное сложение Кэти Линтон и ее светлые волосы. Саре достался материнский прагматизм.

Кэти взглянула на Сару с осуждением.

– Ты что же, забыла утром надеть лифчик?

Сара почувствовала, как лицо залилось краской. Она сняла с пояса рубашку и накинула ее на майку.

– Я была в клинике. Думала, что долго там не пробуду, а потому не включила кондиционер.

– Стоять у плиты слишком жарко, – сказала Кэти, – но твоему отцу захотелось жареную курицу.

Сара поняла, что мать дает ей урок самопожертвования во имя семьи, но ответила:

– Ты могла бы послать его в «Чикс».

– Незачем ему есть всякую гадость в этих забегаловках.

Сара вздохнула, совсем как Билли. Застегнула рубашку на все пуговицы и улыбнулась матери одними губами. Спросила:

– Лучше?

Кэти кивнула, взяла со стола бумажную салфетку и утерла лоб.

– Еще и двенадцати нет, а на улице тридцать градусов.

– Знаю, – ответила Сара и уселась на табуретку, поджав под себя ногу.

Она смотрела, как мать ходит по кухне. Радовалась нормальной атмосфере. На Кэти было хлопчатобумажное платье в тонкую зеленую полоску. Светлые волосы, лишь слегка тронутые сединой, Кэти нетуго завязала в хвост, почти так, как это делала Сара.

Кэти высморкалась в салфетку и швырнула ее в мусорное ведро.

– Расскажи о вчерашнем вечере, – сказала она, повернувшись к плите.

Сара пожала плечами.

– У Джеффри не было выбора.

– Я в этом и не сомневалась. Я хочу знать, как ты все это выдержала.

Сара задумалась. По правде говоря, выдержала она все неважно.

Кэти, похоже, поняла ее чувства. Бросила в кипящее масло кусок курицы, смоченный в кляре, и повернулась к дочери.

– Я звонила тебе вчера вечером.

Сара изо всех сил старалась не отворачиваться.

– Я была у Джеффри.

– Я так и поняла, но твой отец подъезжал к его дому, чтобы в этом увериться.

– Папа приезжал? – удивилась Сара. – Зачем?

– Мы думали, что ты придешь, – ответила Кэти. – Раз тебя не было дома, надо было понять, где ты находишься.

Сара скрестила на груди руки.

– Тебе не кажется это навязчивостью?

– Не кажется. В следующий раз звони, – Кэти махнула в ее сторону вилкой.

Ей почти сорок, а Кэти по-прежнему относится к ней как к ребенку. Сара посмотрела из окна. Ей казалось, что ее застигли за чем-то дурным.

– Сара?

– Да, мэм, – пробормотала Сара.

– Я о тебе беспокоюсь.

– Знаю, мама.

– У тебя все в порядке?

У Сары снова загорелись щеки, но уже по другой причине.

– Где Тесс?

– Она еще не спустилась.

Тесс жила в помещении над родительским гаражом. Дом Сары был в миле отсюда, но даже такое расстояние давало ей чувство независимости. В отличие от сестры, Тесс из-за близости к родителям не нервничала. Вместе с отцом она была занята в семейном бизнесе – ремонт водопровода и канализации. Каждое утро она спускалась по лестнице и докладывала о себе родителям. В характере Тесс было много от девочки-подростка. Ей еще не пришло в голову, что однажды у нее будет собственный дом. Хотя кто знает? Может, и не будет.

Кэти и шлепнула в масло очередной кусок курицы, стряхнув его с вилки, сунула ее в подставку для приборов. Затем повернулась к Саре, скрестила руки.

– Что происходит?

– Ничего, – ответила Сара. – Не считая вчерашней трагедии с девочкой. И с ребенком. Ты, наверное, слышала о ребенке?

– Мы и в двери не вошли, как все прихожане об этом узнали.

– Да, ужасное событие. Сара пожала плечами.

– Не представляю, как ты этим занимаешься, детка.

– Иногда я и сама не представляю.

Кэти ждала, когда дочь перейдет к другой теме.

– И? – не выдержала она. Сара потеряла шею.

– У Джеффри... – начала она, – ничего не вышло.

– Ничего не вышло? – спросила мать.

– Я имею в виду... – Сара жестом показала то, о чем мать должна была догадаться.

– Вон оно что, – сказала Кэти. – В этом смысле? Сара снова вспыхнула, что само по себе явилось красноречивым ответом.

– Впрочем, ничего удивительного. После того, что случилось.

– Он был таким...

Сара подыскивала нужные слова.

– Таким... резким. Я старалась... Она снова опустила подробности.

– Это у него впервые?

Сара пожала плечами. С ней у него это произошло впервые, но кто знает о других его контактах?

– Самое ужасное было то... – Сара снова замолчала. – Сколько лет я его знаю, никогда не видела его таким взбешенным. Он пришел в такую ярость, что я боялась – он все разнесет.

– Помню, когда однажды твой отец не смог...

– Мама! – остановила ее Сара.

Ей не хотелось говорить с матерью об ее сексуальных взаимоотношениях с отцом. Если бы Джеффри узнал, что Сара рассказала о его неудаче, он бы ее убил. Потенция для него была не менее важна, чем профессиональная репутация.

– Ты сама затеяла этот разговор, – напомнила ей Кэти и повернулась к сковороде, оторвала от рулона бумажное полотенце и постелила его на блюдо.

– Ну ладно, – ответила Сара. – Что мне теперь делать?

– Делай то, что он хочет, – сказала Кэти. – Или ничего не делай.

Она подцепила еще один кусок курицы.

– Тебя это в самом деле волнует?

– Ты о чем?

– Ты хочешь с ним быть или нет? Может, все дело в этом? С самого развода ходишь вокруг да около.

Она постучала вилкой о сковороду.

– Как выражается твой отец – делай дело или слезай с горшка.

Входная дверь отворилась и с шумом захлопнулась. Сара услышала два шлепка. Это Тесс скинула туфли.

– Мама! – крикнула сестра.

– Я на кухне, – ответила Кэти и многозначительно посмотрела на Сару. – Ты меня поняла?

– Да, мэм.

Слышно было, как Тесс идет по коридору.

– Глупая собака! – донеслось оттуда, по всей видимости, она споткнулась о Билли.

Кухонная дверь с шумом распахнулась, и Тесс с раздраженным видом вошла в кухню. На ней был старый розовый купальный халат, а под ним зеленая футболка и шорты. Лицо бледное, слегка болезненное.

– Тесси? – спросила мать.

Тесс покачала головой, подошла к холодильнику и открыла дверь морозильника.

– Мне только кофе.

Кэти проигнорировала ее слова, дотронулась губами до лба дочери, проверяя температуру.

– Ты горячая.

– На улице тридцать градусов, – огрызнулась Тесс; она стояла вплотную к морозильнику, словно хотела войти в него. – Конечно, я горячая.

Она несколько раз распахнула халат, забирая холодный воздух.

– Господи, уеду туда, где нормальная погода. Клянусь, уеду. И мне плевать, если там говорят не по-людски и не умеют готовить овсянку. Все равно там будет лучше.

– Неужели все так плохо? – спросила Сара и приложила ладонь ко лбу сестры.

Будучи врачом, Сара знала, что такое измерение температуры столь же эффективно, сколь материнский поцелуй, но Тесс была ее маленькой сестренкой, а потому она обязана была что-то сделать.

Тесс отодвинулась.

– У меня предменструальный синдром. Мне жарко, и я хочу шоколада.

Она выпятила подбородок.

– Видишь это? – спросила она, указывая на большой прыщ.

– Было бы странно, если бы мы его не заметили, – буркнула Кэти и закрыла дверцу холодильника.

Сара рассмеялась, и Тесс хлопнула ее по руке.

– Интересно, как бы его окрестил папа, – поддразнила сестру Сара и хлопнула ее в ответ.

Когда дочери были тинейджерами, Эдди страшно веселился, дразня их прыщами на лице. Сара до сих пор чувствовала смущение, когда вспоминала, как отец представил ее одному из своих друзей: «Это моя старшая дочь Сара и Бобо, ее новый прыщ».

Тесс собиралась ответить, но тут зазвонил телефон. Она ответила с первого звонка.

Спустя две секунды Тесс шепотом выругалась и закричала:

– Папа, положи трубку!

По всей видимости, Эдди наверху взял трубку параллельного телефона.

Сара улыбнулась, подумав, что сегодняшнее воскресенье ничем не отличается от выходных последних двадцати лет. Сейчас войдет отец и скажет какую-нибудь чепуху вроде того, что он счастлив видеть всех своих девочек в кухне и босиком.

– Погоди, – произнесла Тесс и, закрыв ладонью трубку, спросила Сару: – Ты здесь?

– Кто это? – спросила Сара, хотя и догадывалась.

– А ты как думаешь? – огрызнулась Тесс. Ответа она ждать не стала и сказала в телефон:

– Да, Джеффри, она здесь.

6

Бен Уолкер, бывший шеф полиции округа Грант, занимал кабинет рядом с залом заседаний. Каждый день Бен усаживался за большой стол, занимавший едва ли не все пространство комнаты. Тот, кто хотел говорить с ним, вынужден был сидеть за другим концом деревянного мамонта, упираясь коленями в ножки, а спиной – в стену. По утрам мужчины – а тогда в отделении работали исключительно мужчины – приходили выслушать задания на день, после чего расходились, а шеф запирает дверь. С этого момента и / до конца рабочего дня его никто не видел. Вечером Бен садился в автомобиль и проезжал два квартала до ресторана, где съедал свой ужин.

Первое, что сделал Джеффри, когда сменил шефа, это – выбросил стол Бена. Дубовое чудовище пришлось разобрать, иначе он не протиснулся бы в дверь. В кабинете Бена Джеффри устроил кладовку, а сам въехал в маленький офис в передней части помещения. В один спокойный уик-энд Джеффри вставил венецианское окно: через него он мог наблюдать за сотрудниками, и сам тоже был у всех на виду. На окне были жалюзи, но закрывал он их редко. Джеффри поставил себе за правило держать дверь кабинета открытой.

Он смотрел на пустую комнату, а голову одолевали неотвязные мысли: что же его люди думают о гибели Дженни Уивер? Джеффри испытывал страшное чувство вины, хотя мозг говорил ему, что выбора у него не было. Каждый раз, когда он думал об этом, у Джеффри перехватывало дыхание. Казалось, что в легкие поступает недостаточно кислорода. Он не мог отогнать осаждавшие его вопросы. Принял ли он правильное решение? Убила бы Дженни того подростка? Сара, похоже, считает, что убила бы. Вчера вечером она сказала что-то насчет двоих мертвых подростков вместо одного. Это – если бы Джеффри не остановил девочку. Конечно, Сара очень много всего говорила, но эти слова его не успокоили.

Джеффри прижал к лицу руки и оперся головой о большие пальцы. Он думал о Саре. Иногда в своих анализах она доходила до крайности. Самой сексуальной чертой Сары был ее рот. Лучше бы ей помолчать и использовать его по другому назначению, а не пускаться в пространные рассуждения.

– Шеф?

В двери стучал Фрэнк Уоллес.

– Входи, – пригласил Джеффри.

– Жарища на улице, – сказал Фрэнк, словно извиняясь за отсутствие галстука.

На нем был черный дешевый костюм. Верхняя пуговица рубашки расстегнута. Джеффри заметил под ней пожелтевшее нижнее белье. От Фрэнка, как обычно, разило табаком. Очевидно, прежде чем пройти к Джеффри, он выкурил сигарету возле черного хода. «Как может человек добровольно пыхтеть сигаретой в такую погоду?» – удивился Джеффри.

Фрэнк мог бы оказаться на месте Бена Уолкера, если бы захотел. Конечно, старый коп был слишком умен, чтобы пойти на эту должность. Фрэнк отработал всю жизнь в округе Грант и видел все перемены. Однажды Фрэнк сказал Джеффри, что должность шефа полиции должен исполнять молодой человек, но тогда, как и сейчас, Джеффри думал, что Фрэнк имеет в виду глупого человека. В первый год в Гранте Джеффри понял, что никто в здравом уме не взвалил бы на себя такую ответственность. Но было уже поздно. К тому же он встретил Сару.

– Неспокойный уик-энд, – сказал Фрэнк и подал Джеффри отчет. Папка была толще обычного.

– Да, – Джеффри указал ему на стул.

– Ограбление химчистки. Марла тебе докладывала? Затем... два-три задержания за езду в нетрезвом состоянии, обычные беспорядки в колледже – пьянка и прочее. Две домашние разборки. Уголовные дела не возбуждены.

Джеффри слушал вполуха, пока Фрэнк читал. Список и в самом деле был длинным и пугающим. Трудно представить, что творится в большом городе, если в Гранте столько проблем. Обычно здесь было намного спокойнее. Конечно, жара вызывает у людей агрессию – Джеффри знал это из своего многолетнего опыта.

– Так-то вот, – заключил Фрэнк.

– Понятно, – ответил Джеффри.

Побарабанив пальцами по бумагам, он перекинул через стол дело Дженни Уивер.

Фрэнк глянул на папку скептически, будто ему показали астрологический прогноз, затем взял в руки и начал читать. Фрэнк давно был на службе и думал, что видел все, однако, дойдя до фотографий, сделанных Сарой, не смог скрыть своего потрясения.

– Царица небесная! – пробормотал Фрэнк и полез в карман пиджака.

Вытащил сигареты. Вспомнив, где находится, положил их обратно. Закрыв папку, не дочитав документ.

– Ребенка она не рожала, – сказал Джеффри.

– Да. – ответил Франк и закашлялся.

Ему было пятьдесят восемь лет, и он мог бы уже уйти в отставку с хорошей пенсией. Зачем он продолжал работать, оставалось загадкой. Случаи, подобно нынешнему, должно быть, заставят Фрэнка задуматься, чего ради он каждое утро является в отделение.

– Что это? – спросил Фрэнк. – Господи, помилуй!

– КПЖГ, – сказал Джеффри. – Калечащие повреждения женских гениталий. Это традиционно практикуется у многих народностей Африки и Ближнего Востока. – Он поднял руку, предваряя следующий вопрос Фрэнка. – Я знаю, что ты думаешь. Они – баптисты, а не мусульмане.

– Откуда тогда она подхватила эту идею?

– Это мы и собираемся выяснить.

Фрэнк помотал головой, словно пытаясь стереть из головы увиденную картину.

– Доктор Линтон сделает сегодня сообщение, – сказал Джеффри.

И смутился, оттого что столь официально назвал Сару. Фрэнк играл с Эдди Линтоном в покер. Сара выросла на его глазах.

– Девочка тоже придет? – спросил Фрэнк, имея в виду Лену.

– Конечно, – ответил Джеффри и посмотрел ему прямо в глаза.

Фрэнк нахмурился, не скрывая, что он этого не одобряет.

Каким бы ни был Фрэнк женофобом, возможно, расистом и, несомненно, противником приема на работу молодых людей, к Лене он относился бережно. У него самого была дочь ее возраста. Когда Джеффри поставил ее с ним в пару, старый коп яростно возражал. Каждую неделю приходил к Джеффри и просил, чтобы Лену от него убрали, и каждую неделю Джеффри уверял Фрэнка, что тот привыкнет. Одной из причин, по которой Джеффри, пришедшего человека, утвердили на пост шефа полиции, явилось желание администрации вытащить город из каменного века. Джеффри взял Лену из полицейской академии и сделал первой женщиной-детективом в своем отделении.

Сейчас Джеффри не знал, что делать с Леной. Временно, пока не зажили руки, приставил к ней Брэда Стивенса. Надеялся, что на центральном участке она быстрее придет в норму. В прошлом месяце она получила от врача разрешение вернуться к активной работе, однако Лене пока придется повременить, прежде чем она приступит к исполнению своих прежних обязанностей. Что до Фрэнка, то, когда она с ним здоровалась, он не мог даже посмотреть ей в глаза. Он тысячу раз говорил Джеффри, что женщинам в полиции не место. Похоже, что нападение на Лену он считал подтверждением своих слов.

Джеффри был с ним не согласен. Женщины полицейские хорошо зарекомендовали себя на службе. В идеале полиция должна быть отражением общества. К своей работе Лена отно-

силась вдумчиво. Она умело общалась с правонарушителями, знала, как следует говорить с женщинами, жертвами преступлений. Полицейским-мужчинам этого умения не хватало. Более того, она и в других женщинах пробудила желание работать в полиции. Сейчас в патруле трудились пятнадцать женщин. Когда Бен Уолкер оставил свой пост, женщины под его началом работали лишь секретаршами. Несмотря на такой прогресс, Джеффри вспоминал о том, через что пришлось пройти Лене, и ему хотелось запереть ее в доме и выставить на улице вооруженную охрану, чтобы никто не посмел ее снова обидеть.

Фрэнк нарушил его размышления.

– Наверное, придется провести внутреннее расследование случившегося? – спросил он и взял за уголок папку. – Я имею в виду дело Уивер.

Джеффри кивнул и откинулся на спинку стула.

– Сегодня утром я говорил с мэром. Хочу, чтобы вы взяли показания у Брэда и Лены. Прокурором выступит Бадди Конфорд.

– Он же государственный защитник, – возразил Фрэнк.

– Да, но не в этом случае, – сказал Джеффри. – Это касается матери девочки. В отношении таких дел город хочет подстраховаться. Возможно, слушания будут публичными. Не знаю.

Джеффри пожал плечами.

– Она угрожала человеку оружием и все такое... Не так все просто, понимаете?

– Да, – ответил Фрэнк. – Понимаю.

После небольшой паузы спросил:

– А что будет с тобой, шеф?

Джеффри чувствовал, что уверенность его поколебалась. К нему вернулось чувство потеплости, которое он испытал накануне с Сарой, на сердце навалилась тяжесть. Он никогда ни в кого не стрелял, и уж тем более не убивал девочек. Он прокручивал эпизод с Дженни, разбирал все по минутам, старался найти момент, где переговоры дали сбой. Должно быть, он сказал или сделал что-то не то, иначе она отвела бы пистолет. Должна была быть альтернатива.

– Шеф, – сказал Фрэнк, – как бы там ни было, Брэд и Лена будут стоять за тебя. Ты ведь и сам это знаешь.

– Да, – ответил Джеффри.

Слова Фрэнка не принесли облегчения: он знал, что Брэд и Лена защитили бы его, даже если бы не считали его правым. В полиции было не все идеально, но, когда дело принимало опасный оборот, копы всегда друг друга поддерживали. Брэд сделал бы это, потому что он восхищался Джеффри, Лена – из благодарности за то, что Джеффри снова взял ее на работу.

Для Джеффри это не было утешением.

Мужчины молчали. Джеффри повернул голову, взглянул на полки, закрывающие противоположную стену его кабинета. Там стояли призы за меткую стрельбу. Старый футбольный мяч, которым он играл за Оберн, лежал на нижней полке. Фотографии парней, с которыми работал в Гранте и в Бирмингеме, соседствовали с двумя снимками Сары, которые он сделал во время их медового месяца. Последние фотографии он поставил недавно, когда они снова начали встречаться. Теперь он не был уверен в том, что их следует здесь держать. Да и нужна ли ему Сара? Джеффри не мог пережить холодности, которую она проявила накануне: она напрягалась, когда он ее касался, и подсказывала, как и что он должен делать. Словно в его жизни не было сотни свиданий с другими женщинами, которые проявляли куда большую готовность.

Фрэнк развернулся на стуле, когда хлопнули низкие двери, отделявшие приемную от комнаты сотрудников. Это вошла Сара с портфелем в руке. На ней было светло-голубое платье, похожее скорее на длинную футболку. Тенниски на босую ногу завершали наряд. Джеффри заметил, что она даже ноги не побрила.

Мужчины смотрели, как она идет к кабинету. Волосы у нее были в полном беспорядке. Джеффри подумал, что она с утра, скорее всего, не причесалась. Сара никогда не интересовала-

лась модой и редко делала макияж. Иногда это выглядело сексуально, иногда – неряшливо, словно ее больше интересовала карьера, а не желание быть настоящей женщиной. Когда она подошла поближе, Джеффри увидел, что даже очки на ее носу сидели криво. По какой-то причине это раздражало его больше, чем все остальное.

Фрэнк встал, когда она вошла в комнату, поэтому Джеффри последовал его примеру.

– Привет, – сказала она, нервно улыбаясь.

Джеффри обрадовался ее смущению.

– Привет, – ответил Фрэнк и застегнул пиджак.

Сара улыбнулась Фрэнку и сказала:

– Я звонила Нику Шелтону.

Она имела в виду агента из бюро расследований штата Джорджия.

– Попросила его поискать случаи повреждения половых органов. Он сказал, что к среде все подготовит.

Джеффри промолчал, за него ответил Фрэнк:

– Хорошая мысль.

– Обзвонила больницы, – продолжила Сара. – По поводу послеродовой помощи вчера никто не обращался. Оставила на всякий случай телефон отделения.

Фрэнк дернул себя за ворот рубашки.

– Значит, вы думаете, что девочка не могла сама себе это сделать? Обрезание?

– Нет, что вы! – воскликнула Сара. – Кстати, это не обрезание. Это, скорее, кастрация.

Клитор и малые губы полностью удалены, а то, что осталось, зашито.

– Господи!

Фрэнку явно стало не по себе. Сара поджала губы.

– Это – все равно, что отрезать мужской половой член.

Фрэнк растерянно переводил взгляд с Джеффри на Сару и обратно.

– Во всяком случае, я готова к собранию.

Сара указала на свой портфель.

– Собрание откладывается.

Джеффри слышал, что его голос звучит жестко, но ничего не мог с этим поделать. Когда он позвонил и попросил Сару прийти пораньше, то не объяснил, почему. Сейчас он сказал:

– Дотти Уивер будет здесь через пятнадцать минут. Я хочу, чтобы она ушла отсюда как можно быстрее.

– Вот как! – удивилась Сара. – Хорошо, тогда я в клинике займусь бумагами. Думаю, вам двух часов хватит?

Он отрицательно покачал головой.

– Я хочу, чтобы ты посидела здесь во время беседы.

Сара осторожно на него посмотрела и произнесла:

– Я ведь не полицейский.

– Зато Лена – полицейский, – сказал он. – Беседу будет проводить она. Я хочу, чтобы ты была здесь, потому что она тебя знает.

Она уперла руку в бедро.

– Лена или Дотти?

Фрэнк кашлянул.

– Я должен сделать несколько звонков, – сказал он, вежливо поклонился Саре и вышел из комнаты.

Когда он ушел, Сара вопросительно глянула на Джеффри.

– Это у тебя что, ночная рубашка? – осведомился он.

– Что?

– Я о том, что на тебе надето, – он указал на платье. – Похоже на ночную рубашку.

Сара смущенно рассмеялась.

– Нет, – сказала она, словно он пошутил.

– Ты могла бы надеть что-нибудь посolidнее, – заметил он и подумал о том, что на ней было накануне.

Вчера это были спортивные штаны и поношенная фут болка. А ноги у нее были волосатее, чем у него.

– Неужели тебе так трудно нормально одеться?

Сара понизила голос. Это бывало, когда она начинала сердиться.

– С какой стати ты говоришь со мной, словно ты моя мама?

Он испытал такой сильный приступ гнева, что сжал губы, боясь сказать лишнее.

– Джефф, – сказала Сара, – что происходит?

Он обошел ее и плотно закрыл дверь.

– Можешь ты оказать мне услугу?

– Услугу?

Она покачала головой, словно он нес чепуху.

– Посидеть здесь во время интервью, – напомнил он. – С Уивер.

Она опустила плечи, и он понял, что такой реакции от него она не ожидала. Попытался придумать, что ей сказать. На ум ничего не пришло.

Она кивнула.

– Я сделаю все, что ты попросишь.

Джефффри стоял в комнате для наблюдений и смотрел сквозь одностороннее стекло. Видел, как Сара утешает Дотти Уивер. Он не мог долго злиться на Сару, потому что Сара не позволила бы ему этого.

Дотти Уивер была крупной женщиной со смуглой кожей. Длинные темно-каштановые волосы уложены на затылке в аккуратный узел. Прическа была старомодной, но ей она шла. Лицо у нее, по мнению Джефффри, было старообразным: человек с такой внешностью выглядит одинаково и в десять, и в сорок лет. Лишний вес, фунтов на двадцать больше, чем следует. На лбу глубокие вертикальные складки. Они придавали ей суровый вид, даже когда она плакала.

Джефффри глянул на Лену. Она стояла подле него со сложенными на груди руками. Лена смотрела на то, что происходит в соседней комнате, с характерным для нее напряженным выражением лица. Они с Джефффри были самыми эмоциональными людьми в отделении, но на них лежала ответственность за выяснение обстоятельств дела. Джефффри знал, что его просьба к Саре – явное проявление эгоизма.

Джефффри повернулся к Лене.

– Я тебя использую.

Она промолчала, что не было удивительно. Шесть месяцев назад она бы бурно отреагировала. Ходила бы по отделению с гордым видом, гордясь тем, что шеф поручил ей провести интервью. Сейчас она просто кивнула.

– Потому, что ты женщина, – пояснил он. – И потому, что недавно сама пострадала.

Она взглянула на него. В ее глазах была пустота, и это поразило его в самое сердце. Десять лет назад, в академии в Мейконе Джефффри видел, как Лена преодолевает полосу препятствий, словно выскочившая из ада летучая мышь. Она была самой миниатюрной студенткой в группе, но она шла к победе усилием воли. Ее целеустремленность и напор привлекли в тот день его внимание. Глядя на нее сейчас, он сомневался, проявит ли нынешняя Лена восхитившие его когда-то черты характера.

Лена снова перевела взгляд на Сару.

– Да, думаю, она меня пожалеет, – произнесла она тусклым голосом.

Джеффри расстроило то, что она, похоже, ничего не чувствует. Он бы даже предпочел видеть ее в гневе. Куда лучше, чем робот, в которого она превратилась.

– Действуй не спеша, – посоветовал он и подал ей папку с делом. – Нам нужно получить как можно больше информации.

– Что-нибудь еще? – спросила она бесцветным голосом, будто они обсуждали погоду.

Джеффри ответил отрицательно, и она вышла, не произнеся ни слова. Он повернулся к зеркалу, дожидаясь, когда Лена войдет в комнату для переговоров. Когда молодая женщина вернулась на работу, Джеффри сказал, что ей нужно пройти курс терапии для преодоления того, что с ней случилось. Насколько ему было известно, Лена этого не сделала. Ему нужно настоять на этом. Только вот как это сделать, Джеффри не знал.

Скрипнула дверь: в переговорную вошла Лена. Она держала руки в карманах легких хлопчатобумажных брюк. На ней была фирменная темно-синяя рубашка. Каштановые волосы длиной до плеч аккуратно зачесаны за уши. В тридцать три года она наконец то стала выглядеть взрослой. Лена всегда была привлекательна, но в последние два года она стала женственной, что не укрылось от внимания мужского персонала.

Джеффри отвернулся, смутившись от собственных мыслей. После того что с ней произошло, неэтично смотреть на Лену такими глазами.

– Миссис Уивер? – сказала Лена.

Она протянула руку, и Джеффри съежился, как и Дотти Уивер. Она оба смотрели на открытую ладонь Лены. Шрам был воистину ужасен. Только Сара осталась спокойной.

Лена, смутившись, убрала руку.

– Я – детектив Лена Адамс. Страшно сожалею о вашей потере.

– Благодарю вас, – вымолвила Дотти.

Грубоватый выговор уроженки Среднего Запада резко контрастировал с мягким южным произношением Лены.

Лена уселась за стол против Сары и Дотти, сложила перед собой руки, снова привлекая внимание к своим шрамам. Джеффри почти ожидал, что она снимет туфли и положит на стол ноги.

– Мне очень жаль... – Дотти запнулась и замолчала.

Выдержав паузу, она продолжила:

– Я имею в виду то, что произошло с вами.

Лена кивнула, опустила голову: по-видимому, брала себя в руки. Джеффри научил молодого следователя одной из уловок, применявшихся при допросе, – длинная пауза – лучший помощник копа. Нормальные люди не выдерживают молчания и стараются что-то сказать. Делают это в большинстве случаев неосознанно.

– И ваша сестра... – продолжила Дотти. – Она была чудесным человеком. Я знала ее по научной выставке. Дженни любила точные науки. Она была...

Грудь Лены поднялась и опустилась, но это было ее единственной реакцией.

– Сибил была настоящей учительницей, – сказала Дотти. – Ей нравилось учить детей.

В комнате снова стало тихо. Джеффри посмотрел на Сару. Из конского хвоста выбились пряди темно-рыжих волос и прилипли к шее. Очки, что недавно криво сидели на носу, теперь так же криво торчали на голове. Она смотрела на Лену, как на змею, словно пытаясь понять, ядовитая она или нет.

– Вы хотите, чтобы мы связались с вашим мужем, миссис Уивер? – спросила Лена.

– Дотти, – поправила она. – Я ему уже сообщила.

– Он придет на похороны?

Дотти покрутила на запястье тонкий серебряный браслет и обратилась к Саре:

– Вы ее скрывали?

Сара открыла рот, чтобы ответить, но Лена ответила за нее.

– Да, мэм, – сказала Лена. – Доктор Линтон провела вскрытие. Я при этом присутствовала. Мы хотели позаботиться о Дженни после ее смерти.

Дотти переводила взгляд с Лены на Сару. Неожиданно склонилась над столом, ссутулилась, словно получила удар в солнечное сплетение, и всхлипнула.

– Она была моим единственным ребенком.

Сара хотела погладить женщину по спине, но Лена остановила ее взглядом. Сама подавалась вперед и взяла Дотти за руку:

– Я знаю, что значит терять близкого человека. Знаю.

Дотти сжала руки Лены:

– Мне это известно.

Джефффри затаил дыхание. Он ждал этого момента. Лена нашла подход к женщине.

– Что случилось с ее отцом? – спросила Лена.

– О! – Дотти вынула из сумки платок. – Вы знаете. Мы не ладили с мужем. Он хотел от своей жизни чего-то особенного, а кончил тем, что сбежал с собственной секретаршей.

Она повернулась к Саре:

– Вы знаете, каковы мужчины.

Джефффри почувствовал легкое раздражение, потому что она явно имела в виду его неверность. Вот что значит – жить в маленьком городе.

– Он на ней так и не женился, – сказала Дотти. – На секретарше.

На губах промелькнула торжествующая улыбка.

– Моя лучшая школьная подруга прошла через это, – сказала Лена, перекидывая к Дотти Уивер более прочный мостик. – Ее отец поступил точно так же. Просто в один прекрасный день собрал вещи и ушел, не оглянувшись. С тех пор они его не видели.

– О нет. Сэмюел действовал иначе, – возразила Дотти. – Во всяком случае, поначалу. Он виделся с Дженни раз в месяц, пока не перебрался в Спокейн. Это в Вашингтоне.

Лена кивнула и Дотти продолжила:

– Последний раз он ее видел чуть больше года назад.

– Какова была его реакция на смерть дочери?

– Он плакал, – сказала она, и по ее щекам тоже потекли слезы.

Она повернулась к Саре, возможно, потому, что Сара знала ее дочь:

– Она была такой хорошей. У нее было доброе сердце.

Сара кивнула, но Джефффри видел, что ей неловко от того, как Лена вела беседу.

Дотти высморкалась, и ее слова стали более отчетливыми:

– Она связалась с этой компанией. И Паттерсоном.

– Марк Паттерсон? – спросила Лена, имея в виду подростка, которого Дженни грозились убить.

– Да, Марк.

– Она с ним встречалась?

Дотти пожала плечами:

– Трудно сказать. У них была компания, и Дженни дружила с его сестрой Лэйси.

– Лэйси? – переспросила Сара, потом поняла, что прервала беседу и кивнула Дотти, чтобы та продолжала.

– После того как муж оставил семью, мы с Дженни были очень близки – скорее подруги, чем мать с дочерью. Она очень помогла мне пережить то, что случилось. Возможно, я слишком ее опекала. Наверное, мне следовало дать ей больше свободы.

Дотти снова помолчала.

– Просто Марк мне казался совершенно безобидным. Летом он у нас стриг траву и делал другую работу по дому – хотел заработать.

Она грустно рассмеялась.

– Я его считала хорошим мальчиком. Думала, что могу ему доверять.

Лена не позволила ей развивать эту тему.

– Когда Дженни подружилась с Лэйси?

– Около года назад. Они вместе ходили в церковь. Я думала, что это хорошо, но эти подростки... Не знаю. Казалось бы, церковь – безопасное место для ребенка, но...

Она покачала головой.

– Я не знала, – сказала она. – Я даже не догадывалась, что она беременна, а уже тем более...

Лена едва заметно кивнула Саре. Джеффри видел, что Сара напряглась, приготовляясь сообщить новость.

– Дотти, я вчера осмотрела Дженни.

Дотти крепко сжала губы и приготовилась слушать.

– Дженни не была беременна, – сказала Лена. – Там, на катке, был не ее ребенок.

Мать в недоумении переводила взгляд с Сары на Лену. Она была слишком потрясена, и ее взгляд выражал открытое недоверие.

– Лена права, – вмешалась Сара. – Она не была беременна, хотя должна заметить, что полгода назад у нее были сексуальные отношения.

Губы Дотти безмолвно шевелились. Она улыбнулась, по-видимому, посчитав, что услышала хорошую новость.

– Значит, она этого не делала? Она не убила ребенка?

– На самом деле мы пока не знаем, что произошло, – ответила Лена.

Она помолчала, разглядывая руки, в этот раз не преднамеренно. Потом снова взглянула на Дотти. Когда заговорила, голос ее звучал очень тихо. Она смотрела на мать, словно Сары не было в комнате.

– Я высказываю лишь свое мнение, мэм, но из всего, что я узнала о вашей дочери, могу сделать вывод, что она не виновата в том, в чем ее обвиняют.

Мать вздохнула с облегчением, потом снова заплакала и прижала к носу платок.

– Она была такой доброй, – сказала она. – Она не могла этого сделать.

И повернулась к Саре за подтверждением.

– Она была такой хорошей девочкой.

Сара снова кивнула, слабо улыбаясь.

– Она говорила, что будет врачом, – сказала Дотти, обращаясь к Саре. – Говорила, что хочет помогать детям, как это делаете вы.

Сара неловко улыбнулась, и Джеффри заметил виноватое выражение ее глаз.

Лена вмешалась в этот разговор:

– Вы говорили о компании Дженни... Она дружила с детьми Паттерсонов?

– Да, с Марком и Лэйси.

– Она ходила с ними в церковь? До последнего времени?

– Восемь месяцев назад перестала ходить, – ответила Дотти. – Не знаю, почему. Сказала, что вообще никуда больше ходить не хочет.

– Стало быть, это началось с января?

– Наверное.

– Сразу после Рождества?

Дотти кивнула.

– А что могло тогда произойти? Может, она на кого-то обиделась? Или поругалась с Марком Паттерсоном?

– Нет, – твердо ответила Дотти. – Через неделю после Рождества церковь устроила поездку. Они отправились кататься на лыжах в Гэтлинбург. Я не хотела, чтобы на праздники

она уезжала из дома, но Дженни настаивала. К тому же она порадовала меня хорошими отметками в школе... – Дотти замолчала.

– Итак, дома ее не было неделю?

– Да, но тогда я сама ездила к сестре в Огайо: она тогда плохо себя чувствовала. – Дотти сжала губы. – За два месяца до этого Юнис диагностировали эмфизему. Сейчас ей лучше, но тогда у нее было тяжелое время.

– Значит, Дженни была дома одна?

– Нет, – Дотти решительно покачала головой. – Конечно, нет. Она была у Паттерсонов три или четыре дня, а потом и я вернулась.

– Для нее это было обычно – жить у Паттерсонов?

– Да, – сказала Дотти. – Каждый выходной либо Лэйси была у нас, либо Дженни гостила у Паттерсонов.

– Вы хорошо знаете Паттерсонов?

– Тедди и Грейс? – Она кивнула. – Да, они оба ходят в церковь. Тедди мне не особенно нравится.

Она слегка понизила голос:

– Видно теперь, в кого пошел Марк.

– Вы о чем?

– Он такой... – Дотти запнулась и пожала плечами. – Не знаю. Если вы его увидите, то поймете, что я имею в виду.

– Итак, – подытожила разговор Лена, – в Рождество Дженни ездила за город, несколько дней жила у Паттерсонов, после чего перестала ходить в церковь и общаться с Паттерсонами.

Дотти призадумалась.

– Да, сейчас и сама вижу, что так все и было. А я этой связи не уловила.

– Вы не подозревали дочь в употреблении наркотиков?

– Нет, она всегда это осуждала, – ответила Дотти. – Она даже кофе не пила, а в последнее время отказалась от сахара.

– Чтобы похудеть?

– Она сказала, что делает это ради здоровья. Она хотела очистить тело.

– Очистить, – повторила Лена. – Как думаете, не имеет ли это отношение к церкви?

– В церковь к этому времени она ходить перестала, – напомнила ей Дотти. – Не знаю, почему она так поступила. Однажды мы с ней ехали домой из школы, и она сказала: «Я не стану больше есть сладкого. Я хочу очистить свое тело».

– Вам не показалось это странным?

– В тот момент – нет, – сказала Дотти. – Впрочем, может, и показалось, но в последнее время она вообще вела себя странно. То есть не до такой степени, чтобы это бросалось в глаза, но она, например, перестала пить кока-колу. Когда приходила домой из школы, уделяла больше времени домашней работе. Она словно пыталась быть лучше. Становилась похожей на себя прежнюю.

– То есть до того, как она начала общаться с детьми Паттерсонов?

– Да, пожалуй, что так. – Дотти поджала губы. – Это было очень странно, потому что Лэйси – капитан спортивных болельщиков и очень популярна. С первого дня в школе Лэйси дразнила Дженни.

– За что? – спросила Сара.

– Да просто так, – ответила Дотти. – Дразнила за то, что она, дескать, толстая. А ведь тогда она была нормального сложения, разве только щечки пухлые. Во всяком случае, не такая, как в последнее время.

– Как думаете, Лэйси и Марк когда-нибудь ее били?

Дотти, похоже, удивилась.

– Да нет, что вы! Если бы я узнала, то сразу бы обратилась в полицию.

Она промокнула глаза платком.

– Они просто дразнили ее, вот и все. Никакого физического насилия. А потом, как я и сказала, они подружились.

– Отчего такая перемена? – спросила Лена.

– Не знаю. Это произошло, когда они перешли в старшие классы. К тому моменту Лэйси уже не была капитаном болельщиков, но сохранила командный тон. Вы же знаете подростков. Они любят подражать. Теперь мне кажется, что сахар, возможно, – идея Лэйси.

– Лэйси? – переспросила Лена.

– Да. У нее постоянно рождались идеи, и все должны были им следовать. В какой, например, одежде они должны ходить в школу, куда пойти на уик-энд. По телефону они часами обсуждали эти вопросы.

Лена улыбнулась.

– Мы с сестрой делали то же самое, – сказала она. – Может, здесь что-то связанное с религией? Как вы думаете?

– А что такое? – обеспокоенно спросила Дотти.

– Сахар. Кофе. Что-то в этом от религиозных запретов.

– Вы думаете?... – Дотти запнулась. – Нет, вряд ли здесь дело в религии. Думаю, это влияние Паттерсонов. За плечами Марка были правонарушения – его уличили в кражах.

Дотти медленно покачала головой.

– Я не знала, что делать. Должна ли запретить ей встречаться с ним? Или разрешить проводить с ним все свободное время?

– С юными девушками всегда такая проблема, – согласилась Лена. – Вы все еще ходите в церковь?

– Да, конечно, – закивала Дотти. – Для меня это – большое утешение.

– Вы уже сделали распоряжения? Вероятно, по этому случаю все соберутся на успокоительную молитву?

Дотти вздохнула.

– Не знаю. Я просто...

Она замолчала, высморкалась в платок.

– Думаю, ей нравился проповедник Файн. Он приходил к нам, разговаривал с ней. И Брэд Огивенс – тоже. Церковь поручила ему работу с молодежью.

– Вот как? – спросила Лена.

– Да. Брэд – активный общественник.

– А проповедник Файн приходил к вам, когда Дженни забросила церковь?

– Да, – кивнула Дотти, по-видимому, ей нравилось, что она способна вспомнить нечто важное. – Он пришел после того, как она пропустила две воскресные службы.

– Вы слышали, что она ему сказала?

– Нет, – ответила Дотти. – Они были в кабинете, и я не хотела мешать.

Она продолжила, кое-что припомнив:

– Через неделю после разговора он позвонил по телефону, но она велела сказать, что ее нет. Это, должно быть, была суббота, потому что днем я была дома. Помню, что в тот день ей еще дважды звонили, и она оба раза не подходила к телефону.

– Вам это не показалось странным?

– Тогда – нет, – ответила Дотти. – Кажется, дело было в феврале. Помню, я почувствовала облегчение, когда она больше не захотела встречаться с Марком.

– Она с ним поссорилась?

Дотти пожала плечами.

– Все, что я знаю, это то, что она его возненавидела. Начала с того, что проводила с ним все свободное время, а кончила ненавистью.

– Эта ненависть из разряда тех, когда девушка готова стереть в порошок парня, потому что он не зовет ее погулять?

Дотти откинулась на спинку стула и строго посмотрела на Лену. Кажется, она догадалась, что разговор с ней затеян не для того, чтобы обелить Дженни, а чтобы выявить ее вину.

Лена повторила вопрос.

– Нет, – резко ответила Дотти. – Конечно, нет.

– Вы уверены?

– Примерно в это время его арестовали, – сказала Дотти; видимо, она почувствовала себя увереннее, напомнив о криминальном проступке Марка. – За нападение. Он напал на свою сестру.

Джеффри обругал себя за то, что не проверил это раньше. Снял телефонную трубку и набрал номер Марлы.

– Да? – сказала Марла.

– Принеси мне дело, – вполголоса произнес Джеффри. – Дело Марка Паттерсона.

– Вчерашнего подростка?

– Да.

– Сейчас, – сказала она и повесила трубку.

Когда Джеффри снова взглянул на комнату переговоров, атмосфера там резко изменилась. Дотти Уивер сидела, сердито сжав губы.

– Может, хотите что-нибудь выпить? – спросила ее Лена.

– Нет, спасибо.

– Вы знали, что в прошлом году ваша дочь повредила руку?

Дотти удивилась и спросила у Сары:

– Она что же, обращалась к вам без меня?

– Нет, – ответила Сара.

Она сердилась, но не на Дотти Уивер.

Лена усилила давление.

– Ваша дочь интересовалась культурой Африки или Ближнего Востока?

Дотти непонимающе покачала головой.

– Конечно, нет. А в чем дело? К чему все эти вопросы?

– Дотти, может, сделаем перерыв? – спросила Сара.

Лена, поерзав на стуле, продолжила вопросы.

– У вашей дочери был усталостный перелом в тазовом поясе, миссис Уивер. Вы знали об этом?

Дотти безмолвно пошевелила губами.

– Вероятно, ее изнасиловали, – сказала Лена; сделала паузу и потом ровным голосом добавила: – Грубо изнасиловали.

– Я не... – Дотти повернулась к Саре, а потом снова к Лене. – Я не понимаю.

– А как насчет шрамов на ее руках и ногах? – продолжила Лена. – Почему они появились? Зачем ваша дочь резала себя?

– Резала себя? – поразила Дотти. – О чем вы говорите?

– На всем ее теле были порезы. Судя по всему, она их сама себе наносила. Как получилось, что вы о них не знали?

– Я не видела ее обнаженной, – сказала Дотти. – И одежду она носила закрытую. Я никогда...

Лена прервала ее.

– Вы знали, что полгода назад она перенесла операцию?

– Операцию? – переспросила Дотти. – Да что вы такое говорите?

– Не операцию, – вмешалась Сара и положила ладонь на руку Дотти. – Дотти, когда я осматривала Дженни...

Лена открыла папку с делом и бросила через стол фотографию, потом еще одну. Со своего места Джеффри не видел, какие это фотографии, но понимал по выражению лица Дотти, на что в данный момент смотрит мать.

– О господи, девочка моя!

Дотти прижала ко рту руку.

– Лена! – воскликнула Сара и прикрыла фотографии.

Попыталась их убрать, но Дотти ее остановила. Они несколько секунд боролись. В результате Сара нехотя уступила.

– Чт-то ж это такое? – заикаясь, спросила Дотти.

Дрожащей рукой она поднесла фотографию к глазам.

Лена казалась довольной. Она повернулась к зеркалу, в сторону Джеффри, и торжествующе вскинула бровь.

Сара положила руку Дотти на плечо.

– Позвольте я возьму это, – она попыталась забрать фотографию.

– О господи, господи, – громко всхлипывала женщина. – Деточка моя. Кто это с тобой сделал?

Сара повернулась к Лене, и Джеффри увидел, как глаза ее полыхнули огнем. Лена пожала плечами, словно говоря: «А чего ты ожидала?»

– О господи, господи... – прошептала Дотти и вдруг замолчала.

Ее тело обмякло, и Сара лишь успела смягчить удар осевшего на пол тела. Дотти потеряла сознание.

Джеффри стоял в коридоре возле комнаты переговоров, разговаривал с Леной.

– Нам нужно немедленно встретиться с Марком Паттерсоном, – сказал он. – Сара сама проведет собрание, посвященное результатам вскрытия.

Лена глянула через плечо. Сара довела Дотти до ее автомобиля, после того как уверилась, что женщина оправилась.

– Марла сейчас даст нам его адрес, – сказал Джеффри. – Возможно, все произошло без его участия. Надеюсь, что мы застанем дома и его сестру.

Лена кивнула.

– Вы хотите, чтобы я поговорила с сестрой, пока вы допрашиваете Марка?

– Там видно будет, – ответил Джеффри. – Мне бы хотелось встретиться и с этим священником.

В глазах Лены что-то промелькнуло.

– Он из моей церкви, – сказала она. – Вернее, не из моей, но туда ходит Хэнк, и я его иногда сопровождаю.

Она пожала плечами.

– От нечего делать. Я ведь человек не религиозный.

– Да, – согласился Джеффри, удивляясь тому, что она сообщила.

После того, что с ней произошло, она впервые проявила склонность к желанию вести беседу. Он подумал, что участие в расследовании, возможно, пойдет ей на пользу.

– Я собираюсь снять Брэда с дежурства, – сказал Джеффри. – Хочу поговорить с ним о Файне.

– Вы думаете, это Файн виновен в том, что случилось с Дженни?

Джеффри сунул руки в карманы. Он не мог представить себе человека, искалечившего ребенка, однако кто-то ведь это сделал.

– Нам нужно узнать, был ли Файн с детьми в то Рождество.

– Может, я смогу...

Лена умолкла, так как в этот момент громко хлопнула дверь.

Джеффри повернулся. Дверью хлопнула Сара. Уже по одной походке видно было, что она страшно рассержена.

Не дойдя до них десяти футов, она начала кричать:

– Что ты себе позволила? Как ты могла так с ней поступить?

Лена опустила руки. Джеффри заметил, как сжались ее кулаки. Сара подошла к ним вплотную.

Лена отодвинулась и прижалась спиной к стене. Ее руки были по-прежнему сжаты, а голос тверд, когда она произнесла:

– Я делала свою работу.

– Свою работу? – Сара разъяренно посмотрела ей в лицо. Она была на добрые шесть дюймов выше Лены и в полной мере пользовалась преимуществом роста.

– По-твоему, мучить женщину, только что потерявшую своего ребенка, это – работа? А показывать ей фотографии – тоже работа?

У Сары задрожал голос.

– Как ты могла это делать, Лена? Теперь эти фотографии останутся для нее последним воспоминанием о дочери.

– Сара, – попробовал вмешаться Джеффри, но Сара наклонилась и что-то шепнула на ухо Лене.

Он не слышал, что именно, но реакция Лены была мгновенной. Ее плечи опустились, и она напомнила Джеффри котенка, которого схватили за шкуру.

Сара увидела это, и ее лицо отразило чувство вины. Она прижала руку ко рту, словно хотела забрать свои слова обратно.

– Извини, – сказала она Лене. – Я очень сожалею. Лена кашлянула и посмотрела в пол.

– Все в порядке, – сказала она, хотя видно было, что это не так.

Сара, должно быть, сообразила, что загораживает Лене дорогу, и сделала шаг назад.

– Лена, прости, пожалуйста, – сказала она. – Я не имела права говорить этого.

Лена подняла руку, не желая больше ничего слышать. Сделала глубокий вдох и сказала:

– Я подожду тебя в машине.

Эти слова предназначались Джеффри.

– Хорошо, – сказал он Лене, пошарил в кармане и протянул ей ключи, но она не взяла их, а раскрыла ладонь, с тем чтобы он ей их бросил.

– Хорошо, – сказала Лена и зажала ключи в кулаке.

Она не смотрела ни на Джеффри, ни на Сару. Глядя в пол, пошла по коридору. Вид у нее был потерянный. То, что сказала ей Сара, по-видимому, потрясло ее до основания.

Джеффри повернулся к Саре, не понимая, что произошло, и почему.

– Что, черт побери, ты ей сказала?

Сара покачала головой и прикрыла глаза рукой.

– Ох, Джефф, – сказала она. – Зачем я только это сказала?

7

Лена сидела в «линкольне» Джеффри. Тело было страшно напряжено. Она задыхалась и чувствовала легкое головокружение. Боялась, что потеряет сознание. Кожа покрылась испариной, но не потому, что в машине было жарко. Было такое ощущение, словно она дотронулась до оголенного электрического провода.

– Ведьма, – выдохнула она, думая о Саре Линтон. – Глупая ведьма.

Она словно надеялась изгнать из памяти то, что ей только что довелось услышать.

В мозгу крутились слова Сары. «Теперь ты понимаешь, что значит причинить боль человеку».

Сара сказала «причинить боль», но Лена понимала, что на самом деле та имела в виду: «Теперь ты понимаешь, что значит изнасиловать человека».

– К черту! – воскликнула Лена, стараясь криком заглушить звучавшие в голове слова; стукнула по приборной доске, прокляла Сару Линтон, а вместе с ней и свою дурацкую работу.

Там, в комнате переговоров, с пристрастием допрашивая Дотти Уивер, Лена после долгого перерыва почувствовала себя человеком, а Сара одной фразой убрала это ощущение.

– К черту! – снова крикнула Лена охрипшим от усилия голосом.

Ей хотелось плакать, но слез не осталось, а грудь распирала бессильная злость. Все мышцы были напряжены. Ей хотелось приподнять автомобиль и с размаху бросить его о землю.

– Прекрати, прекрати, прекрати, – внушала себе Лена, стараясь успокоиться.

К приходу Джеффри ей необходимо взять себя в руки, потому что он расскажет Саре – ведь он с ней спит. Не хватает еще, чтобы она узнала, как ранили Лену ее слова.

Лена хмыкнула при воспоминании о неловком извинении Сары. Словно это могло помочь! Сара прекрасно понимала, что говорит. Единственная причина, по которой она извинилась, состояла в том, что свою мысль она произнесла вслух. Мало того, что ведьма, она к тому же и труслива.

Лена снова глубоко вздохнула.

– Все нормально, – прошептала она. – Не обращай внимания. Это ничего не значит.

Через две минуты она почувствовала себя лучше. Сердце колотилось уже не так сильно, и спазм в животе прошел. Лена продолжала напоминать себе, что она сильная: прошла через страшные испытания и ничего – выжила. То, что думает о ней Сара Линтон, – пустяк по сравнению с куда более серьезными вещами. Что действительно имеет значение, так это то, что Лена может делать свою работу. Она хорошо поработала: сумела получить важные сведения. Если бы допрос вела Сара, то она ушла бы ни с чем.

Лена глянула на часы. Она и не заметила, как пролетело время. Хэнк, наверное, удивлится, куда она запропастилась. В церковь ей сегодня с ним идти не придется.

В консоли автомобиля имелся сотовый телефон. Чтобы позвонить, пришлось включить двигатель. Лена нажала на кнопку кондиционера и приоткрыла окно, выпуская из машины нагретый воздух. Покуда заряжался телефон, она посматривала в сторону участка – не идет ли Джеффри.

Хэнк снял трубку после первого же звонка.

– Алло?

– Это я, – сказала она.

На другом конце провода повисла пауза, и Лена поняла, что ее голос звучит взволнованно: она еще не остыла от стычки с Сарой. Слава богу, Хэнк не спросил, что случилось.

– Я не смогу пойти в церковь, – сказала она.

– Вот как? – сказал он.

– Сегодня мы с Джеффри должны провести допрос, – сказала она, хотя поначалу и не собиралась давать объяснение Хэнку Нортону. – Возможно, это займет немало времени. Так что езжай без меня.

Ее голос погрузнел: она представила, как вернется и будет одна в пустом доме.

– Ли? – сказал Хэнк, очевидно почувствовав ее страх. – Я могу остаться, если захочешь.

– Не глупи, – возразила она, голос прозвучал не слишком убедительно. – Я не трехлетний ребенок.

– Ты можешь прийти попозже, – нерешительно сказал Хэнк. – Хор послушаешь.

При воспоминании о концерте Лены заняла душа. Когда Хэнк вернется домой, на улице будет уже темно, и в доме – тоже, как бы много огней она ни зажгла.

– Мне, кстати, завтра нужно подняться пораньше – бар проверить, – сказал Хэнк. – Пожалуй, приду домой сразу после службы.

– Хэнк, – сердце Лены рвалось из груди. – Послушай, иди на свой чертов концерт, хорошо? Я не хочу, чтобы ты опекал меня, словно маленькую. Ступай, не выводи меня из себя.

Ударил солнечный луч – открылась дверь, и из здания вышел Джеффри. Следом бежала Марла Саммс – протягивала шефу папку с документами.

– Ты уверена? – спросил Хэнк.

– Да, – ответила она, не рассуждая. – Послушай, мне пора. Увидимся, когда вернешься домой.

Лена повесила трубку, не дожидаясь ответа.

– Господи! – воскликнул Джеффри, едва успев открыть дверь автомобиля. – Кондиционер работает? – спросил он и бросил ей папку, переданную Марлой.

– Да, – пробормотала Лена.

Она пересела на пассажирское место и бессознательно отодвинулась к самой двери. Если Джеффри и заметил это, то никак не прокомментировал.

Джеффри швырнул пиджак на заднее сиденье.

– Я говорил по телефону, – сказал он, вид у него был озабоченный. – Моя мать получила травму. Я должен ехать в Алабаму.

– Сейчас? – спросила Лена и взялась за дверную ручку.

Она подумала, что ей нужно позвонить Хэнку из своего автомобиля и попросить, чтобы он ее подождал.

– Нет, – сказал Джеффри, заметив ее движение. – Вечером.

– Хорошо, – сказала она, но не убрала пальцы с ручки, делая вид, что они лежали там просто так.

– Так нестати уезжать в разгар дела. Может, Марк Паттерсон прояснит ситуацию.

– Вы что же, думаете, все дело в размолвке? – спросила Лена.

– Возможно, он скажет о других девушках, о матери ребенка.

Лена кивнула, хотя подумала, что вряд ли это случится.

– Я говорил с Брэдом. В Рождество Файн не ездил с детьми кататься на лыжах. – Джеффри нахмурился. – Позвоню Брэду после разговора с Марком. Возможно, заставлю его вспомнить что-нибудь еще.

Он помолчал.

– Уверен, он бы сказал, если бы там и в самом деле что-то произошло.

– Да, – согласилась Лена.

Брэд был из породы копов, что собственную мать задержат за переход улицы на красный свет.

– Первым делом вы с Брэдом завтра поговорите с учителями Дженни Уивер. Побольше узнайте о ее характере, о том, с кем она дружила. С девочками тоже поговорите, с теми, кто ездил кататься на лыжах вместе с Дженни и Лэйси. Возможно, они ходят в ту же школу.

– Хорошо.

– В Алабаму я не могу не поехать, иначе сам бы все сделал.

– Не беспокойтесь, – сказала она, не понимая, зачем он извиняется.

С технической точки зрения на нем лежала ответственность. Однако в данный момент Джефффри вряд ли смог бы далеко продвинуться. Если Марк не укажет ни на кого пальцем, им и ухватиться не за что.

– Хочу также, чтобы ты как можно раньше поговорила с Файном.

Он взглянул на часы и продолжил:

– Завтра утром. К священнику возьми с собой Фрэнка, а не Брэда.

– Хорошо, – сказала она.

– Ты сказала, что знаешь его... священника, – начал Джефффри и пустил автомобиль задним ходом. – Думаешь, он способен на это?

– На что? – спросила Лена, а потом вспомнила суть дела. – Нет, – ответила она. – Он неплохой человек. Просто я с ним не общаюсь.

Джефффри бросил на нее красноречивый взгляд: дескать, а с кем ты общаешься?

– Кстати, я договорилась с ним о встрече завтра вечером, – сказала Лена.

– Договорилась?

Лена глянула на приборную доску.

– Вы мне сами раньше это советовали, – напомнила она, – поговорить с кем-нибудь по душам.

– Может, на эту тему тебе не следовало бы...

– Нет, – заявила она. – Я хочу это сделать.

Попыталась улыбнуться, но улыбка вышла фальшивой – Лена и сама это почувствовала.

– Я его удивлю, верно? Он подумает, что я пришла на терапевтический сеанс, а я вдруг спрошу его о Дженни и Паттерсонах.

Джефффри, нахмурившись, вывел автомобиль со стоянки.

– Мне это как-то не нравится.

– Вы сами говорили, что во время интервью лучше всего застать собеседника врасплох, – напомнила она, не позволяя отчаянию прорваться в голосе. – Кроме того, Хэнк сам хотел с ним встретиться. Не то чтобы я...

Лена поискала нужное слово и, не найдя его, заявила:

– Я не стану говорить с ним по душам, хорошо? Он странный. Я ему не доверяю.

– Почему?

– Не доверяю, и все, – ответила она. – Интуитивно.

– Но ты не думаешь, что это его работа?

Она пожала плечами, изыскивая способ пойти на попятную. Как бы объяснить Джефффри, что главная причина ее недоверия к Дейву Файну кроется в том, что он – проповедник? В этом отношении Джефффри не умнее Хэнка. Неужели нельзя понять: как ей, изнасилованной религиозным маньяком, захочется говорить об этом с проповедником?

– Не знаю, может, он на это и способен, – сказала она. Ложь, кажется, примирила ее с Джефффри.

– Хорошо. Только возьми с собой Фрэнка.

– Обязательно.

– Это не вопрос. Просто мы пытаемся выяснить, что ему об этом известно. Не дави на него.

– Знаю.

– Поговори еще с кем-нибудь, – сказал он. – Это условие, Лена. Я позволил тебе так рано вернуться на работу, потому что ты пообещала поговорить с кем-нибудь о том, что произошло.

– Да, – кивнула она. – Обязательно поговорю. Он смотрел на нее, пытаясь понять, что у нее па уме. Она сменила тему:

– Как она? Я о вашей матери.

– Спасибо, ничего, – ответил он. – А ты как себя чувствуешь?

– Нормально, – с подчеркнутым спокойствием произнесла она.

– Этот разговор с Сарой...

– Все в порядке, – прервала она таким тоном, что будь на его месте Хэнк, то он бы тут же заткнулся.

Джеффри, разумеется, не был Хэнком Нортоном. Он не отступил:

– Ты уверена?

– Да.

И для убедительности она спросила о Саре:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.